



ПЕТР МЕЛЬНИКОВ
КАК ЖЕ СЕБЯ НЕ
ОБОЖАТЬ?!



Петр Мельников

Ну как же себя не обожать?!

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63721161

Ну как же себя не обожать?! / Петр Мельников: СУПЕР

Издательство; Санкт-Петербург; 2020

ISBN 978-5-996512-24-9

Аннотация

В этой книге собраны эссе и новеллы разного размера, от журналистского расследования и литературоведческого анализа до наиболее примечательных жизненных эпизодов, без ограничений по промежутку времени и месту действия, от Читы в Сибири до Кампо Гранде в Бразилии Их объединяет сопричастность автора происходящему, непременно удачное завершение коллизий и разрешение конфликтов либо в его пользу, либо в пользу лирического героя. В любом случае, счастливый конец обеспечен. Отсюда откровенная нота нарциссизма в названии книги. Эссе практически не связаны между собой и чтение можно начинать с любого из них.

Содержание

Предисловие автора	5
1. Диокрез	7
2. Практика	19
3. Не с тем связалась	30
4. Лувр	74
5. Большой театр	116
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Петр Мельников

Ну как же себя не обожать?!

PETR MELNIKOV

Can't help loving me!!

This book contains essays and stories of various sizes, from journalistic investigation and literary analysis to the remarkable life episodes, without restrictions on the period of time and place of action, from Chita in Siberia to Campo Grande in Brazil. They are united by the author's involvement in what is happening, always successful completion of collisions and the resolution of conflicts either in his favour or in favour of the protagonist. Either way, a happy ending is guaranteed. Hence the frank note of narcissism in the title of the book. Essays are practically unrelated and one can start reading any of them.

Предисловие автора

Жанр этой книги с трудом поддаётся определению. Главным образом это эссе и новеллы разного размера, от журналистского расследования и литературоведческого анализа до наиболее ярких биографических эпизодов, без ограничений месту действия, от Читы в Сибири до Кампо Гранде в Бразилии. Композиционно эти элементы объединены удачными завершениями коллизий и разрешением конфликта либо в мою пользу, либо в пользу героя повествования. В любом случае, счастливый конец обеспечен. Отсюда откровенная нота нарциссизма в названии книги. Сознательно я не стремился к такому подбору материала, он сам собой организовался по принципу собрания блогов. В результате отсутствует строго выдержанная хронология событий. Можно начинать с любой главы, перемещаясь в прямом и обратном направлении, или вообще закрыть книгу.

Это моя третья публикация на русском языке. Две предыдущие «Я, Иоанн, любимый ученик» и «Персоны и персонажи. От Че Гевары до тёти Сары» давно разошлись. Читателей интересуют два вопроса: забывается ли в Бразилии русский язык и в самом ли деле здесь обилие диких обезьян. Нет, не забывается, если не перестаёшь пользоваться языком для внутренней речи и устного общения, а я не перестаю. Что же касается диких обезьян, то их много во влажном тропи-

ческом лесу. В поисках пищи теперь появляются и «городские», например масса мартышек в зелёном массиве, который я пересекаю по пути на работу в университете. Они дружелюбны и чрезвычайно любопытны.

Я глубоко благодарен Т. А. Вавиловой, Е. Л. Виноградовой и В. Ю. Траскину за помощь в подготовке этой книги. Недоделок было много и, боюсь, ещё немало осталось. За них только я в ответе.

Что касается имён собственных, то часть из них оставлена без изменения, для других же подобраны фонетически близкие эквиваленты.

Спасибо за прочтение

Петр Мельников
Кампо Гранде,
Бразилия
20/10/2020

1. Диокрез

Временные возвращения с того света только за проклятиями от бывших почитателей, как к этому не относиться, следует отличать от длительной летаргии и от попеременного длительного засыпания. Бывает, но редко. На этот счёт можно привести необычный случай из истории французской церкви. Когда-то в Испании за подаренные музейной библиотеке редкие, привезённые из России монографии я удостоился чести быть зачисленным в «друзья Прадо». Это давало, да и сейчас даёт такие преимущества, как бесплатное посещение музея, пользование роскошной библиотекой и – что особенно ценно – доступ в запасники Кабинета эстампов. По правде, фонды эти невелики, всего-то какие-нибудь десять тысяч единиц хранения графических работ по сравнению с Лувром, где их более ста тысяч. В любом случае открывать заветные папки и рассматривать гравюры позволялось непременно при рассеянном освещении в пасмурный день. Никаких вам электрических ламп. Вот тогда-то я и обнаружил любопытный оттиск с медной гравировальной доски с изображением католической заупокойной мессы. В самом деле, действие была далеко не обычным, ибо крепкий, апостольского вида старец, по всем признакам умерший, был выгравирован приподнявшимся на смертном одре, как бы обращаясь к присутствующим с важным заявлением. А то, что он при

этом заявлял, в виде записки было пришпилено к гробу. Как в комиксах, там, правда, текст подводят к губам говорящего.

Хранители библиотеки и Кабинета эстампов, к которым я обратился, не сумели дать вразумительных объяснений изображенной сцены. Единственной зацепкой была карандашная пометка на полях гравюры – «Св. Бруно» – и небольшая стрелка, отмечающая нервного вида клирика, расположенного позади епископа. Епископ же в это время величественно отправлял службу. Некрасиво делать пометки на произведениях искусства, даже если есть свободное пространство. Однако такие надписи могут неожиданно натолкнуть на верный след. Мне захотелось им воспользоваться.

В тот период у меня не было постоянной работы, но в качестве компенсации было достаточно свободного времени для его культурного препровождения, ни дать ни взять как в дворцовом интерьере королевского музея. С тем ещё удобством, что наискосок находилось Министерство высшего образования Испании, где мне нужно было регулярно обхаживать секретарш, чтобы ускорить легализацию дипломов.

И я стал копать. Откопал житие святого Бруно с комментариями и выяснил, что упомянутая сцена изображает отпевание некоего Раймона Диокреза, каноника собора Парижской богородицы, происходившее около 1080 года.

Диокрез был модным проповедником – теперь бы сказали религиозным гуру, «идолом», харизматиком своей эпохи. При дворе Филиппа I считалось дурным тоном, даже фрон-

дой пропускать пламенные проповеди каноника в новоотстроенном гигантском соборе – гордости Франции. Прелат был стар и в Риме его приобщение к лику святых после упокоения считалась вопросом решённым. Но вот беда – святой из него не получился из-за событий непредвиденных и пугающих.

В католической литургии есть момент, когда перед возлиянием елея пастырь обращается к усопшему и вопрошает: «Согрешил ли? Отвечай!». Естественно, на ответ никто не рассчитывает, да и не приходится рассчитывать, поскольку собеседник новопреставленный. Даже выражение специальное есть – гробовое молчание. Вопрос этот чисто риторический и никаких сомнений в греховности отпеваемого не предполагает.



*J'ay vu, dit un grand prêtre romain,
 Un pape, beaucoup d'archevêques, évêques,
 Chanoines, curés, & autres de son espèce,
 Mais aucun prêtre digne de son titre.*

Amis des fils patriotes, & d'une voix sacrée
 Au Dieu qui se vengera de tout de trahison :
 D'un Souverain il a dit, hélas ! & il terrible
 Qui se doit après lui venger le juré ?

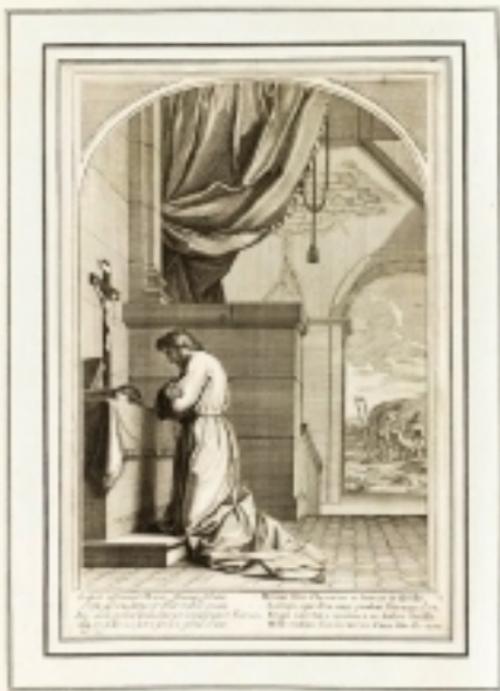
Но у покойного Раймона Диокреза относительно молчания, по-видимому, были другие соображения. При вопросе священника он вдруг зашевелился, приподнялся с величественного одра, обвёл перепуганных клириков и светских особ мутным взглядом, и объявил, разумеется, по-латыни: «Справедливым Божеским судом мне предъявлено обвинение!», после чего откинулся на подголовник, снова без признаков жизни. Ясно, присутствующие переполошились, знатные дамы-прихожанки, как им и полагалось, попадали в обморок, а смущённый епископ, которому тоже впору было потерять сознание, строго наказал не распространяться о случившемся. Отпевания вроде как и не было, и службу перенесли на следующий день. Но на завтра при том же вопросе последовало всё то же временное пробуждение, с той только разницей что в этот день Диокрез заявил: «Меня судит Справедливый Божеский суд!».

При всём желании сохранить произошедшее в тайне не удалось. На третий день уже не только клир, но и масса обитателей Парижа и острова Сите, где расположен собор, сбегались возбуждённой толпой, чтобы узнать развязку, разумеется, в ожидании неминуемого скандала. Толпа обожает безобразия, хлебом не корми. Неясной оставалась только формулировка порицания. Её и жаждали.

В том, что произойдёт нечто непотребное, уже никто не сомневался. При дворе нервничали. И в самом деле,

несчастный каноник, приподнявшись в последний раз, с горечью признался: «Я приговорён Справедливым Божеским судом!». После чего окончательно затих в подушках. Отпевание происходило в ризнице, называемой «сердцем» собора. Это помещение и сейчас называют «Чёрной капеллой», она хорошо сохранилась после опустошительного пожара. Место это легко было опознать по гравюру.

Св. Бруно, тогда ещё Бруно Хартенфауст, юный приверженец Диокреза при этом присутствовал и сохранил описание мессы в записях. Особенно его поразило то, что по распоряжению из Ватикана тело без пяти минут святого было велено выбросить на помойку соседнего острова Сен-Луи, «на скормление собакам». При этом на всю историю псевдо-воскресения Диокреза католическая церковь наложила строгий запрет, как позже госбезопасность – на протокол эксгумации Гоголя. Выходило – ни больше ни меньше – что каноник был лицемером и тайным грешником, за что и впоследствии последовало справедливое и прилюдное божественное осуждение. Будущий св. Бруно горько переживал и усердно молился во спасение своего духовного отца.



В очередной приезд из Испании во Францию, бросив в гостинице рюкзак, я отправился прямо в Национальную библиотеку на рю Ришелье, где хранятся старинные карты и документы, касающиеся архитектуры. Там и просидел до вечера над планами собора Парижской богородицы. Необходимо было выяснить местоположение ризницы и приёмной нынешнего каноника. Проходят века, но эта должность вакантной не остаётся. По плану ризница оказалась там же, где и была в одиннадцатом веке, с перерывом на отчаянные для собора времена Французской революции. Наутро я отпра-

вился в сам собор, одевшись во всё тёмное, чтобы не привлекать к себе внимания на фоне серых стен интерьера. Прикид заранее был куплен в Испании в лавке подле монастыря Эль Эскориал. Не стал расспрашивать мелкую сошку в центральном нефё, а попетляв в заалтарном лабиринте справа, нашёл лестницу на нужные каменные антресоли.

Стоило мне открыть дверь, как навстречу из-за массивного бюро стремительно вскинулся секретарь – сухопарый монах с клочком седых волос на голове. Таким в иллюстративной традиции принято изображать Дон Кихота. В отличие от благодушного литературного героя этот персонаж оказался агрессивным:

– Кто вас сюда пустил, мсьё?

Я решил, что полагается ответить в тон:

– Никто. Где-нибудь написано, что вход воспрещён?

Дон Кихот глянул зверем и уже схватился за трубку, чтобы вызвать секьюрити, как по счастливой случайности сам прелат вышел из кабинета, видимо что-то ему объяснить. Увидев постороннего человека, нескрываемо удивился. Визиты здесь, должно быть, обговаривают не меньше, чем за год. Возможно, не без предварительного запроса на положительную характеристику. Я воспользовался временной неопределённостью ситуации, и пока накачанные монахи не спустили меня вниз с внутренней галереи, успел выговорить скороговоркой:

– Скажите, монсеньор, чем закончился скандал с вашим

коллегой?

На слове «скандал» я сделал ударение, чтобы стимулировать беседу. Кто любит скандалы? Только чернь. Катализатор сработал. Седовласый клирик мгновенно повернулся в мою сторону и недружелюбно осведомился:

– С каким ещё коллегой?

– С Раймоном Диокрезом.

Белые брови монсеньора поползли кверху. Но вместо обычного «Откуда вы это взяли?» он сказал:

– А, так что эта история всё-таки выплыла.

– Не сама. Я её обнаружил в житии святого Бруно.

Каноник удручённо заметил:

– Святой Бруно, ныне сущий на небеси, послушался наказа римской курии. Оттуда всё и пошло. Но не мне судить божьего избранника. Присядьте, мсьё.

Секретарю это предложение очень не понравилось. Хоолок на голове вздёрнулся кверху. Но прелат уже присел и продолжал выяснять мой статус:

– Вы, конечно же, православный?

Тут пришлось удивиться мне. Не успел я выговорить «Откуда вы...», как он сам пояснил:

– Вы возникли здесь неположенным образом и не соблаговолили подойти под благословение. Значит, в католическом благословении, даже элитарном – не будем скромничать – вы не нуждаетесь. С другой стороны, у вас непростой вопрос. Церкви – выскочки, какие-нибудь адвентисты до таких во-

просов не доросли.

Я буркнул какое-то извинение. Но каноник продолжил:

– Кроме того, вы русский, уехавший на Запад.

Вот тут у меня поехала голова. Я попытался что-то проартикулировать, но он мне не позволил:

– Это легко вычислить. Небольшой русский акцент, мне он знаком. Одежда испанских монахов, когда они без спроса отправляются искать мирских приключений. Но не это важно. Вы читаете по-латыни?

– Плоховато.

– А жаль.

– Но есть немецкий перевод жития.

– Это не перевод, а оригинал. На латынь перевели позже. Значит, суть дела вам известна?

– Полностью.

– Теперь всё это не так остро, как тогда, в одиннадцатом веке и окрестностях. Так что нет особых препятствий удовлетворить ваше любопытство.

– Сделайте одолжение.

Иерей важно помолчал и сказал, как бы заключая:

– Всё просто. Окончательно вопрос о статусе Диокреза так и остался нерешённым. Последним, кто хотел закрыть дело, был папа Урбан VII, доктор обычного и канонического права. Уж кому, так ему бы и высказать разумное суждение.

– Но ведь он просто этого не успел.

– Что вы хотите сказать?

– Именно это. Как бы ему поспеть, если его по три дня подряд трепала жестокая лихорадка?

– То есть?

– То есть понтификат Урбана VII длился всего двенадцать дней. Из них на бестемпературный период пришлось только шесть. Это два приступа по три дня. Папа этот умер от малярии в варианте терцианы.

Теперь пришло время удивляться канонику:

– Вы и это знаете? Согласен, в горячке ему было не до Диокреза. Вы случайно не врач?

– Да, совершенно случайно.

– Но какая точность! Поздравляю. Не все мои собратья так осведомлены.

– И вы тоже вряд ли, сын мой, – добавил, повернувшись к секретарю и погрозив ему пальцем. Костлявый Дон Кихот засопел.

Подняв тот же палец, монсеньор присовокупил:

– Малярия или отравление – такая версия тоже была.

Я не согласился:

– Скорее всего, верна именно официальная версия – малярия. Ведь отравленные не температурят.

– И то правда. Мне это как-то не пришло в голову.

Я позволил себе вольнодумство:

– Да и какой смысл? Если уж подсыпать яду, то кандидату в папы, а не избранному понтифику. Шуму меньше. Вам не кажется?

На такой не очень элегантный и даже циничный поворот каноник не отреагировал и холодно заключил:

– С малярией, тогда её называли палудизмом, вам виднее. Но, в любом случае, с сентября 1590 года это дело числится в реестре отложенных.

– Надолго?

Мой собеседник снисходительно улыбнулся.

– Для Бога тысяча лет – как одно мгновенье. Ещё успеет-ся. Всех благ.

2. Практика

В клинической работе всё бывало. Стоит рассказать только о двух случаях. Первый относится к поликлинике. Пациентка в возрасте 39 лет, рыжая, с неряшливо покрашенными волосами на прямой пробор, медсестра по профессии пришла с жалобами на припухлости в околоушной и подчелюстной областях с обеих сторон. Больной себя считает в течение пяти дней. Первым моим впечатлением, ещё от порога, было воспаление околоушных желёз или попросту свинка, когда отекают, как бы растягиваются обе щеки. Но свинка или инфекционный паротит у взрослого, да ещё привитого – редкое явление. Кроме того, температура не повышена, никаких типичных симптомов нет. При пальпации определяются безболезненные, не спаянные с окружающими тканями лимфатические узлы.

Других жалоб нет. По органам и системам без видимой патологии. Ничего хорошего эта отёчность не сулит. Особенно неприятен двухсторонний характер увеличения желёз, так что нельзя всё это объяснить заболеваниями ушей, зубов или камнями в закупоренных слюнных протоках с какой-то одной стороны. В последнем случае была бы ещё и резкая боль. Прежде всего приходят в голову онкологические заболевания крови – лимфома или лимфогранулёматоз. И понятно, что больная, будучи медицинским работником, особенно

обеспокоена тем, что с ней происходит. На всякий случай я направляю её на консультацию невропатолога, стоматолога, оториноларинголога, исследование крови. Четыре консультации за день. Сам её сопровождаю, чтобы послушать что скажут коллеги, но ни один из них ничего не обнаружил.

Разумеется, всё должен решить анализ крови. На другой день сестра приносит результат: небольшой лейкоцитоз и повышение СОЭ, то есть присутствует воспалительная реакция. Но где? Больше никаких изменений. Звоню заведующей лабораторией. Ответ:

– Доктор, я видела вашу приписку на направлении и сама только что посмотрела препарат, Ничего похожего на злокачественные клетки. Пусть больная спустится в лабораторию, заново сделаем анализ. Если что, направим к гематологу.

– Да, но сегодня пятница. Направим только в понедельник.

Ещё раз смотрю больную. Печень, селезёнка нормального размера. Но лимфоузлы увеличены даже по сравнению со вчерашним утром. Пациентка на грани нервного срыва. Говорю ей:

– Буду думать, и если надо, посоветуюсь со специалистами. Обязательно сделаем дополнительные обследования.

Пациентка мрачна. Говорит мне укоризненно:

– У меня есть знакомая врач. Она говорит, что это болезнь крови. И, извините за откровенность, считает вас неопытным терапевтом.

– Если у неё достаточно опыта, пусть обоснует диагноз, а не обсуждает мою квалификацию. Готов прислушаться.

И не утерпел:

– А если у меня за это время прибавится опыта, я вам дам знать. Дайте мне ваш номер телефона.

Всю субботу я просидел в Центральной научной медицинской библиотеке в Черёмушках. Прочёл ещё по разу то, что уже знал, и ещё столько же, чего не знал. Решительно всё про лимфатическую систему, про заболевания крови, про методы диагностики.

Пожилая библиотекарьша сказала:

– Доктор, поезжайте домой. На вас лица нет.

Отправился домой, сознавая, что знаний прибавилось, но что с ними делать практически не было ясно. Понятно было только одно: надо консультироваться с гематологом и делать пункцию костного мозга.

Где-то в затылочной области мелькала нестыковка. То есть что-то меня всё время раздражало, но с другой стороны, присутствие этого раздражения внушало надежду разобраться. Я понял, что источником неприятия ситуации было слишком уж быстрое увеличение лимфоузлов. Болезни крови могут развиваться быстро, но уж не так стремительно. Оставалось целое воскресенье для прокручивания симптоматики в затылке и других областях моей головы. А если начинать прокручивать, то лучше всего было вернуться к самому началу, как это рекомендуют делать в классических

детективных историях. Процессы диагностики и раскрытия преступлений имеют много общего и результат двоякий: либо это логический обоснованный вывод (диагноз, обвинение) на основании добытой информации, либо иррациональное «озарение» типа «знаю, что за болезнь» и «знаю, кто убил», но не могу обосновать. Знаю и всё. То есть основание для этого знания, конечно, есть, но оно глубоко запрятано в подсознании, в системе рассредоточенных ассоциативных связей, там, где обитает трансцендентное. Спасает то, что обе методики могут сочетаться: данные накапливаются и вдруг какой-то стимул их как бы высвечивает острым лучом. Или наоборот – «озарение» подтверждают объективными исследованиями, и путь к истине в обоих случаях гораздо короче. В любом случае без накопленного опыта не обойтись. В древности врачам было достаточно исследования пульса. Сейчас это знание утрачено и об этом не принято говорить.

Что же было в начале? Я внушил себе, что нужно непременно вернуться к первому впечатлению и подождать, когда откликнется иррациональное. Если откликнется. В самом начале было появление в дверях кабинета небрежно покрашенной пациентки. Она так и встала перед глазами. Рыжая краска лежала на голове какими-то размытыми пятнами. Почему же это обстоятельство так мне врезалось в память ещё до того, как женщина изложила свои жалобы?

Не успел я об этом как следует подумать, как наступило просветленье. Всё оказалось проще простого, встало на своё

место: нет никакого общего заболевания несмотря на симметричную реакцию лимфоузлов и воспалительные показатели крови. Причина совсем в другом. У меня даже руки похолодели от возбуждения. Наконец нашёл номер телефона больной, стал названивать и сразу услышал знакомый голос.

Быстро спросил:

– Скажите, есть ли дома кто-нибудь кроме вас?

– Это вы, доктор? Да, дома мой муж, а в чём дело?

– Позовите его, пожалуйста, к телефону.

Последовала долгая пауза. Затем дрожащим голосом больная спросила:

– Что-нибудь ужасное? Лучше сразу скажите мне.

Тут я сообразил, какой сделал ляп.

– Простите, всё как раз наоборот. Мне нужно знать, когда вы покрасили волосы.

– В последний раз во вторник. При чём здесь волосы?

– Какой расчёской вы пользовались?

– Металлической. Муж расчёсывал.

– Попросите его посмотреть нет ли ранки на голове.

– Я и без него знаю. Он поранил кожу, когда расчёсывал на пробор. Я дальше не дала красить. До сих пор мокнет, а голова как географическая карта.

– В каком месте ранка?

– На макушке. Точнёхонько посередине.

Тут я с облегчением выдохнул: это-то и было причиной необъяснимой двухсторонней симптоматики. Процесс сим-

метрично распространялся в обе стороны. Сказал:

– Хочу порадовать вас диагнозом. Гнойное воспаление волосистой части головы, реактивное увеличение лимфатических узлов.

– Какая радость! Что нужно делать?

– Сегодня же купите в аптеке мазь с левомицетином. Левомеколь называется. Промойте ранку, нанесите мазь. Внутрь таблетки левомицетина по 250 миллиграммов 2 раза в день. Начинайте сейчас же. Всякая ранка выше носа опасна для мозга. Приходите во вторник. Да, ещё посоветуйте вашей знакомой, чтобы не раздавала ярлыки.

– Извините за неё и за меня.

Пришла с улучшением, а в четверг никаких лимфоузлов уже не пальпировалось. Для меня это был хороший диагностический урок. Набрался опыта? Нет. Мистически переосмыслил опыт, да.

Поскольку в этом сочинении практически всё идёт по ассоциациям, вот, напоследок, ещё один случай. На этот раз в связи с патологией тех же слюнных желёз. В субботу у меня было дежурство в поликлинике, неподалёку от дома. Заканчивалось оно в десять вечера и прошло спокойно. Заканчивалось, но не закончилось: без трёх минут десять влетела группа студентов из общежития то ли экономического, то ли финансовго института. Перебивая друг друга, что-то выкрикивали. Наконец удалось понять, что на дискотеке де-

вушку перерезало стеклом. Как перерезало? Понять было невозможно. Я крикнул сестре, чтобы вызвала хирургическую Скорую в дискотеку и побежал в общагу. Как мне кратко выложили, произошло следующее. Холл общежития разделён на две половины высокой стеклянной перегородкой. В одной половине просто тусовались, а в другой танцевали. К моему приходу танцы уже прекратились. Массивное стекло уже несколько дней как было разбито в нижней его части. Осколки убрали, и вместо того, чтобы обходить и пользоваться дверью, некоторые присутствующие свободно, чуть пригнувшись, перемещались через обширный проём.

От оглушительной музыки, способной травмировать барабанные перепонки, и от вибрации пола верхняя стеклина должна была неминуемо сместиться вниз. Медленно или внезапно, никто знать не мог. Оказалось, что внезапно и именно тогда, когда одна из студенток решила пролезть под ней. В какой-то момент услышала непонятный звук, подняла голову и увидела, как, ускоряясь, на неё сверху летит стеклянная гильотина. Успела рывком проскочить в безопасное пространство. При этом часть головы и левая нога запоздали. В результате лезвие стеклины отсекло щёчные мышцы и слёзную железу слева. Чудом оказался не перерезанным ствол наружной сонной артерии, на которой и болтался весь этот страшный по виду блок.

То, что я рассмотрел, походило на анатомический препарат по оперативной хирургии. Мало того, пострадала и но-

га. Острый удар пришелся по стопе. Туфля чуть его смягчила, но тыльная артерия стопы – крупный сосуд – была как бритвой перерезана и обильно кровоточила. В этом-то и была опасность массивной кровопотери. Успеет ли приехать Скорая? Не дай бог, не успеет? Пока же я не думал, что и как я должен делать. Всё шло на автопилоте. Было не до стерильности. В куртке, немывтыми руками прижал мышцы щеки вместе со слёзной железой к лицу и совсем уже грязной ногой прижал к кости кровоточащую артерию. Заметил время. Скорая подъехала через восемь минут и хирург сразу же начал работать.

Только тут я осмотрел на себя. Куртка, халат, брюки, ботинки – батюшки-светы – всё было в крови.

На другой день понёс вещи в химчистку. Подошёл к окошку грязного белья и выложил вещи.

– Вы что? Резали свинью? – грубо спросила приёмщица.

– Не совсем. Останавливал кровотечение.

Подозрительно:

– А, это вы врач из дискотеки?

– Не из дискотеки, а из поликлиники. Но это я.

Раздражённо:

– Делать нечего. Все уже об этом раззвонили. Только и разговоров.

– Тогда примите вещи.

– Не приму.

– Почему?

– Кровяные пятна удаляем только со справкой из милиции. Туда и отправляйтесь.

– Но вы же знаете, что произошло на дискотеке.

– Официально я ничего не знаю.

– А если бы это была ваша дочь? Тогда бы знали?

Тётка взвилась:

– Ты мне не каркай! Моя дочь не из этих шалав, что по дискотекам шляются. Потом в комнате продолжают знать чем заниматься. Так той и надо! Я сейчас милицию вызову.

Надо же, оказывается, так той несчастной студентке и надо. Сволочная баба ещё грозитя вызвать милицию, чтобы задержать то ли жертву, то ли меня неизвестно по какому поводу.

Неожиданно ситуация отклонилась в другое русло:

– Можете не вызывать, – послышался голос от «чистого» окошка. – Я как раз сотрудник МУРа. Вот документ. – и показал корочку. – В чём дело?

Обернувшись к нему, я пояснил:

– Я врач. Купировал острое кровотечение. Какой интенсивности – вот, можете оценить. А эта служащая считает, что я резал свинью, отказывается принимать запачканную одежду и грубит.

– Какой документ у вас при себе?

– Удостоверение дежурного врача. Вот, пожалуйста.

Сотрудник взглянул на документ и обернулся к приёмщице:

– Никаких справок на этот случай не предусмотрено. Откуда вы взяли? Это официальное удостоверение. Его вполне достаточно.

– А коли он кого убил?

– А, допустим, вы кого-то убили. Принесли бы окровавленную юбку сюда, в химчистку?

– Я-то никого не убивала!

– Да? МУР рад слышать. Но поначалу все говорят, что не убивали. Принимайте одежду. Без разговоров.

Бабища зашипела гадюкой, но приняла.

Через месяц ватага студентов явилась ко мне на дежурство поблагодарить и поговорить за жизнь. Уверяли, что навсегда меня запомнят в той дискотеке. Вряд ли. Ведь и я сам едва смог узнать пациентку, когда позже она зашла ко мне показаться. Лица её я не был в состоянии вспомнить, да у меня и не было времени его рассмотреть. В голове будто всё стёрлось, кроме распластанной щеки и измазанного глиной окровавленного ботинка. Того, которым я прижимал злополучную артерию. Пластическую операцию сделали в первые сутки, прошла великолепно, для швов применили тончайшую саморассасывающуюся синтетическую нитку, так что и шрама не осталось. Кость быстро срослась, несмотря на всю грязь. Так тоже бывает. Весь этот эпизод и есть врачебное удовлетворение.

Студенты, да и коллеги меня часто спрашивают, зачем после химического мне потребовалось ещё и медицинское

образование. Ведь я поступил в мединститут через три дня после защиты кандидатской диссертации. Что это была за блажь? Я каждый раз пытаюсь объяснить это тем, что наука даёт большое удовлетворение, но не разом, а в долгосрочном плане. Медицина же в большинстве случаев даёт результат яркий, немедленный, если ты за пять минут выведешь больного из клинической смерти или за пятнадцать секунд вправишь вывих плечевого сустава. Это удовлетворённость момента, краткого мига, и таких моментов очень много. Из них складывается замороженность делом.

3. Не с тем связалась

I

Есть у меня один случай из практики, обернувшийся почти что детективной историей с секретным продолжением. И случай, и продолжение связаны тонкой серебряной цепочкой, в прямом и переносном смысле. У продолжения только недавно истёк срок юридической давности, чем я сейчас решил, наконец, воспользоваться. А поделиться есть чем.

Некоторое время, кроме работы в поликлинике, у меня был приём пожилых лиц в ЖЭКе, поблизости от Дома преподавателей МГУ на Ломоносовском проспекте. Просьба эта исходила от местных пенсионеров, которым или не хотелось, или здоровье не позволяло высиживать в очереди в районной поликлинике и заражаться гриппом. А здесь, хоть и была небольшая очередь, постепенно образовалось нечто вроде клуба для домохозяек. Собирались с видимым удовольствием. Обсуждали свои дела. Никто мне за эти приёмы ничего не платил, зато никто и не торопил, не заставлял заполнять идиотские бланки и квартальные отчёты и занижать в них заболеваемость по респираторным инфекциям. Раз в неделю приходило человек десять, скорее для патронажа и психоте-

рапии, чем по поводу острых состояний; в пожилом возрасте почти всем больным их диагнозы известны, они с ними сжились. Этакий микроклуб по медицинским и местным интересам. Пожилым женщинам нужен был только осторожный текущий ремонт, где-то совет, а иногда, минуя бюрократические барьеры, направление на госпитализацию в приличное учреждение.

Как-то вечером одна из моих постоянных пациенток попросила проконсультировать свою знакомую из другого района. Поскольку это была первичная больная, то я попросил обеих остаться до конца приёма, чтобы не торопиться с обследованием. Но когда нас представляли, я уловил из разговора, что новая пациентка с заметной настойчивостью уговаривает свою подругу не присутствовать при обследовании:

– Спасибо, что меня сюда привела. Зачем слушать про мои хвори? У тебя своих хватает.

Та ушла, но неохотно. О чужих хворях послушать ох как любят, чтобы сравнить со своими, понабраться терминологии и обсудить со знакомыми.

По виду даме было под восемьдесят – мой типичный геронтологический контингент. Я знал по опыту, что её придётся долго и внимательно выслушивать и что на всё про всё уйдёт примерно час, а то и больше. Приготовился к этому морально и предложил:

– Давайте начнём. Присядьте. Как вас зовут?

– Екатерина Никитична.

– Сколько вам лет?

– Восемьдесят три года.

– Что вас беспокоит, Екатерина Никитична?

– Цифра восемьдесят три. Она и беспокоит. Но если серьёзно, то беспокоит сердце. Я давняя сердечница.

– Наблюдаетесь или наблюдались у кардиолога?

– О, с моей аритмией я у кого только не наблюдалась. Даже у профессора Вовси до его ареста по «делу врачей».

– Да, давненько. А в последнее время?

– Последний кардиолог, отвратный молодой человек, сказал, что ничем не может порадовать. Могу отбросить тапочки через день или через неделю.

– Так и сказал насчёт тапочек?

– Точная фраза.

– Вот ублюдок. Расстроились?

– Ничуть. Меня трудно расстроить. Как бы между прочим, заметила ему, что на своём веку успела побывать на похоронах трёх кардиологов. Спросила какие цветы ему нравятся.

– Интересно, как отреагировал?

– Сначала ничего не понял. Какие цветы? Почему вдруг цветы? Дико уставился на меня. Потом мальчика повело. Стал грубить. Вариант с букетиком от меня на его собственной могилке ох как не понравился.

– Как у вас с памятью?

– У меня прекрасная память. Я люблю перечитывать Ко-нан Дойля. В конце концов, из Шерлока Холмса ведут свою

историю шестьдесят процентов детективов. Остальное – от Эдгара По. Я предложил полушутливо:

– У меня есть методика проверки памяти. Давайте проверим вашу. Не возражаете?

– Что ж, извольте.

– Возьмем классику – Как относитесь к Саге о Форсайтах?

– Обожаю эту трилогию.

– Имя второй жены Сомса Форсайта?

– Аннетт!

– Любовник Ирэн Форсайт?

– Босини!

– Как он умер?

– Попал под омнибус!

– Сколько Джулиононов в романе?

– Четверо!

– Поздравляю. Блестяще! Долговременная память великолепная.

– Сейчас вот в связи со смертью Босини мне пришло в голову, что Набоков в своей «Лолите» беззастенчиво позаимствовал этот эпизод, описывая гибель Шарлотты – матери Лолиты. Тоже после тяжёлого объяснения, тоже под колёсами автомобиля. Помните?

– Помню, конечно. Теперь вы проверяете меня? Шучу. Но мы заговорились. Хотите, проверим вашу кратковременную память?

– С этим у стариков похуже, но попробуем.

– С интервалом в одну секунду я назову четыре слова, потом скажу, что нужно делать. Хорошо?

– Да, начинайте.

Я стал медленно и чётко говорить:

– Печка... Художник... Ворон... Химия...

Сделал паузу и быстро произнёс:

– Теперь от числа 296 отнимайте по три.

– Двести девяносто три, двести девяносто, двести восемьдесят семь, двести восемьдесят четыре, двести восемьдесят один...

– Стоп! Повторите четыре слова!

– Печка... Художник... Ворота... затрудняюсь.

– Отлично. Ошибка – ворота вместо ворона, но это пропустительно, в произношении они схожи. Результат лучше, чем принято для вашего возраста. Некоторые и одного слова припомнить не в состоянии.

– Я очень рада. Не ожидала.

– Но почему вы обратились ко мне?

– Если по правде, то единственное что мне нужно, так это разумный человеческий совет.

– Значит, не в аритмии дело?

– Бог с ней, с аритмией. Она у меня с двадцати лет, после ревмокардита. Как-нибудь справлюсь. Всегда думала, что то, что прожила – моё. А прожила много. Восемьдесят три года мои, никто не отнимет.

Тут я чисто из вежливости спросил:

– А что, кто-нибудь собирается отнять?

Вздохнула.

– Прежде большевики. А на старости лет правнук. Дожила. Метнул в меня утюгом.

– Не слабо. Как я вижу, не попал.

– Угодил в телевизор. Прямо в физиономию мерзкого телеведущего. У меня от радости даже аритмия прошла. Теперь предлагаю рецепт своим знакомым с нарушением ритма.

– Это подпадает под незаконное врачевание. Расскажите об обстановке в семье.

– Семьи нет. Я да ещё правнук, сержант-сверхсрочник, из тех, что не моется, ест из немытой посуды, а после дежурства спит, не раздеваясь.

– Из тех, что считают, что мыться это не для мужика. Кажется, Муссолини предлагал заниматься сексом в сапогах.

Покачала головой:

– И Кларетта это позволяла?

– Вряд ли с ней.

– Надо рассказать внуку. Он сапоги и без секса не снимает. Хотя претенденток на это дело вокруг него не видно. Стыдно рассказывать, но я решила посоветоваться именно с геронтологом.

– Почему со мной?

– Мне вас рекомендовали ваши пациентки. Слухом земля полнится. По их рассказам вы находите решения там, где

другие слепы. Если короче, то вы умный человек.

Я пожал плечами.

– Не настолько умный, чтобы сообразить с чем именно вы пришли. Но заметил, что предпочитаете вести разговор без свидетелей.

– С чем пришла, я вам расскажу. У вас, несомненно, есть социальный опыт.

– Какой-то есть. Но мне надо выслушать все обстоятельства.

– Спасибо. После утюга мне стало неудобно, хотя есть и положительный момент – разгромлен телящик. Вместо меня.

– А дальние родственники?

– Все родные уже по ту сторону. А ему нужна квартира, а не старушенция под боком. Глядишь, и прибудет. Думала, да и сейчас думаю, что схожу с ума.

– Если бы вы сходили с ума, то наверняка настаивали бы на том, что здоровы.

– Тоже верно. Какой выход вы видите сами, со стороны?

– Со стороны трудно, даже невозможно так взять и посоветовать. Скорее всего, разойтись, разъехаться. Но, я думаю, вы не за этим пришли.

Мне не хотелось задавать щекотливый вопрос, но без него никак нельзя было обойтись:

– Скажите, у вас есть средства?

И получил неожиданный ответ:

– Да, и очень большие. Мне нужен совет как ими распорядиться.

– Такие вопросы мне ещё не приходилось решать. Расскажите подробнее. Может что-нибудь прояснится.

– Я из хорошей семьи. Из «бывших», как нас называли.

– Удалось нормально пожить ещё до семнадцатого года?

– Не получилось уехать из России вместе с родителями. Так уж легла карта. Годами приходилось лгать, что живые люди мертвы. Впрочем, при наглухо перекрытых контактах это было одно и то же.

– Чем занимались?

– Была учительницей начальной школы. Преподавала французский частным образом болванам из Торговой палаты. Всё, что у меня осталось – это драгоценности.

Мне не поверилось:

– Ничего себе! И вы хранили их больше полувека? Это что-то от приключений Остапа Бендера.

– Есть большая разница. Остап Бендер – симпатичный авантюрист, рыскал в поисках чужого, а я берегла своё.

– Как удалось?

– Как волшебную иглу, которую прятал Кашей Бессмертный. Как там? Игла – в яйце, яйцо – в утке, утка – в зайце, заяц – в сундуке, сундук – на дубе. Яйцо в утке это логично. Но как утка может уместиться в зайце? И зачем такие ухищрения, если сундук выставлен, так сказать, напоказ и его можно снять с дерева вместе со всем содержимым. К че-

му вся эта зоология?

Мне этот монолог показался отвлечённым. Я попытался вернуть рассказчицу к её реалиям:

– Екатерина Никитична, нельзя ли поконкретнее? Как-нибудь без Кашея Бессмертного.

– Ах, да. Старухи любят болтать. Это я к тому, что сокровище это от слова сокрыть. И Кашей пользовался сундуком, хотя и бессмысленно. Вот и моё сокровище сокрыто в сундуке, как у Кашея, но не на дубе, что глупо, а в квартире, что тоже не гениально.

– Как, в обычной квартире?

– В кладовке хрущёвской пятиэтажки. А до этого в захламлённом чулане коммуналки. Вы первый человек, которому я это рассказываю.

– А вы подумали, стоит ли рассказывать незнакомому?

– Когда-то надо рассказать. И лучше незнакомому. Две металлических коробки. В таких прежде упаковывали печенье, галеты. В семье все, включая мужа, были уверены, что это кремированные останки.

– Господи, чьи?

– Мне удалось внушить родственникам, что родители и дядя погибли от «испанки» в восемнадцатом году. На крышке три номера с пометкой «Московскій крематорій». Ниже штампы, ещё до перехода на новую орфографию: «Осторожно. Человѣческіе останки. Легко распыляется». Всё это завернуто в грязноватую тряпку и присыпано тальком. Снача-

ла хотела зубным порошком, но у того отдушки.

– Могло бы сойти за мощи.

– Могло, но тогда к мощам относились настороженно. Неважно. Сорок пять лет пролежали в сундуке, никто и крышку не приподнял. Просили, умоляли от них избавиться, даже грозились выбросить, но не решились. Я постоянно повторяла, что тот, кто эти останки выбросит, сам попадёт в крематорий, добавится ещё одна коробка, место есть.

– Неужели поверили?

Просто привыкли к моей блажи. Внуков били по рукам, если те подходили близко к сундуку. Правнук и тот, слава те господи, боится открыть дверь кладовки. Так приучили. Будто бы там не порошок, а всё ещё покойники. У меня была дежурная страшилка. Говорила, что костные останки покрылись плесенью, сплошная зараза.

– И что в этих коробках, если позволите спросить?

– Часть фамильной коллекции ювелирных изделий. Собрана в Париже незадолго до Французской революции российским поверенным в делах при Женевской Республике. Моим прапрадедом. Говорили, что он был знаком с Жан-Жаком Руссо.

– Невелика честь. Дрянь, с отвратительным был характерцем. Предавал друзей, даже без надобности.

– Согласна. Особенно тех, кто больше для него сделал.

– Я был в его доме в Женеве. Неприятное впечатление. Будто хозяин всё ещё поблизости. Мрачно всматривается в

посетителей, выискивает кому сделать пакость.

Мне страсть как хотелось уточнить фамилию поверенного и выяснить, не сделал ли Руссо какую-нибудь пакость и ему, что вполне было в духе Гражданина Женевы. Но это могло показаться неделикатным, будто я собираюсь её проверять. Тем временем дама спросила:

– Позвольте закурить? Мой возраст показывает, что это не так уж пагубно сказалось на здоровье.

– Курите, конечно. Я сам курю и такого же мнения о противотабачной истерике. Как во что-нибудь вцепятся, особенно любительницы учить других, жди беды.

Мы оба с удовольствием закурили.

– Вот у нас уже нашлось что-то общее, – заключила моя собеседница.

– Вы правы. Но давайте вернёмся к коробкам.

– Кроме уникальных коллекционных вещей, там, например курица с шестью цыплятами из чистого золота на золотой же подставке с травяным узором. Ясно, что возможно бесконечное число положений и курицы, и выводка. Переставляй как хочешь.

– Вот уж это-то не заплесневет

– И не передаст заразу. Мне в детстве позволяли играть с птичками. Но однажды на поверхности обнаружили царапины, вещь отправили полировать, и игры прекратились. Что дальше? Две дамских табакерки с декором из алмазов и изящными сценами на фарфоре. Чистейший восемнадцатый

век. Много хороших колец с изумрудами, кресты с настоящими рубинами, мелкая пластика из слоновой кости. Есть кулон, который, как утверждали, был выполнен по заказу Марии Антуанетты.

– Неужели?

– Глупости, конечно. Теперь привыкли всё на неё, беднягу, сваливать. Она тогда ещё не родилась. Есть мешочек с отличными камнями, готовыми к более современной оправке. Скорее всего, из ранних изделий после демонтажа уже вышедших из моды. Семнадцатый век тяжеловат. Двадцать лет как всё это не пересматривала. Было бы подозрительно ни с того, ни с сего копаться в плесени кремированных родственников.

– А вы не боитесь, что кто-то уже с ними пообщался и заменил цыплят, допустим, на ржавые вилки и ложки? Извините, но родственнички любят шутить такие шутки со стариками. А у тех потом бывают инфаркты.

– Как же, знаю, знаю. Но я не так проста, как кажусь.

– Да, судя по тому, как вы отбрили кардиолога.

– Я без труда убедила домашних в том, что при приготовлении диетических блюд никак не обойтись без весов. Время от времени я ими пользуюсь и не вижу, чтобы вес моего клада поменялся. Кроме того, в семье легко было бы заметить немотивированное возбуждение или экстравагантные приобретения. Народ был прост, как три копейки. Так и ушли, не зная, что лежало рядом.

– Или с кем лежали рядом. Скажите, а вам не приходило в голову объявить о том, что вы нашли клад? Вам бы отстегнули половину или сколько там полагается.

– Отдать этим? Свинья в саду не огородник. Разворуют на дачи и жёнам на аборт с наркозом.

– И так, чего бы вам хотелось? Или не хотелось.

– Не хочу, чтобы Михаилу что-то досталось. Если бы знал о содержании сундука, давно бы меня прикончил и расчленил. И потом не стал бы мыть руки. Впрочем, у него ещё есть время.

– Вымыть руки?

– Нет, меня расчленишь. Как-то не хочется об этом думать.

– Воображаю. А почему сами не хотите распорядиться драгоценностями?

– Поверьте, силы не те. Не могу же я в моём возрасте бегать по оценщикам, по скупкам, общаться с сомнительными личностями. С теми, кто хочет отмыть деньги. Скажут, рехнулась бабка.

– Да, небезопасные контакты. Чуть пронюхают, могут и убить. А меня, надеюсь, вы не держите за покупателя?

– И ни за потенциального убийцу. Но хочу, чтобы и меня не приняли за фарцовщицу из подворотни.

– Фарцовщицы не только в подворотнях. Вот, говорят, что этим балуется и мадам Громыко, жена министра иностранных дел.

– Хороша была бы компания.

Я чуть обдумал ситуацию и заключил:

– Екатерина Никитична, ничего сказать не могу, я даже диагнозы с ходу не сообщаю, даже если наверное знаю. Но есть такое соображение. Допустим, вас обокрали или собираются обокрасть. Полицию такие дела не интересуют, если вы – никто. Тогда самое надёжное это обратиться за советом к другим вора.

– Не поверю, что у вас есть кто-то на примете!

– Поверите. Недаром говорят, что совпадения это шуточки судьбы. Ровно сегодня на приёме в поликлинике была специалистка в этой области.

Согласилась:

– Да, свежая мысль. Но нужно подумать, прежде чем приглашать лису в курятник.

– Подумаю. Жду вас на следующей неделе.

– Благодарю вас, доктор.

Всё это было любопытно, даже увлекательно. Но осталось впечатление, что я занимаюсь не своим делом. Сказал ей:

– Да, напоследок давайте условимся об одном. Я постараюсь найти вам консультанта, но сам не хочу иметь никакого дела с вещами. Ни видеть их, ни, тем более, к ним прикасаться.

– Я вас понимаю. На условие согласна.

Действительно, врач с кем только не пересекается. На другой день я нашёл историю болезни Веры – адвоката, больной

с несахарным диабетом. Кто-то, кажется из отделения милиции, мне шептал, что она недоучившийся адвокат, а её муж или сожитель известный вор в законе. Если уж менты знают, то должен быть, один из известных, у них там свои сферы влияния, своя геополитика. Решил, что для консультанта это элитная парочка – идеальный случай. Узнал телефон, позвонил и сказал:

– Вера Ефимовна, вы забыли взять направление на анализы. Кроме того, у меня есть к вам личные вопросы.

Сообразил, что ещё надо было как-то избавиться от присутствия медсестры при разговоре. Самое лучшее было пораньше её отпустить. И добавил:

– Завтра я оставлю вам в регистратуре талон на конец приёма.

– Есть, хозяин! Завтра буду.

Вера была моей постоянной пациенткой. Долго ходила по врачам. Ей ставили опухоль гипофиза. Я долго разбирался с диагнозом, это оказалась патология надпочечника. Вышла на хорошую ремиссию. В обиходе у неё была нормальная, юридически правильная, культурная речь, но в частных разговорах со мной она переходила на блатной жаргон. Щеголяла феней, как другие щеголяют матерком. Бравировала этим, как бы в знак обоюдного понимания и доверия, Как бы показать, что держит меня за своего. Помнится, однажды одарила комплиментом: «Доктор, вы слишком сообразительны, чтобы уважать законы». Что правда, то правда, много чего

не уважаю. Но не будем отклоняться на мои моральные (или аморальные) установки.

Медсестра была счастлива коротким приёмом. С пациенткой я сначала обсудил медицинские дела и только потом объяснил ситуацию, исключив, разумеется, координаты клада.

Вера внимательно слушала. Не перебивала, будто у меня научилась собирать анамнез. Потом одобрила:

– Всё в ёлочку. Вы не побоялись рассказать про такой кусок, хотя много за меня знаете. У братвы своя честь, свой суд. Никому не дуну в ухо. Никто бабу не приколит.

– Я не беспокоюсь. Потому и попросил совета.

И лукавил:

– Конечно, я вам доверяю. Но запомните, Вера, надо воздержаться от противоположных вариантов. Единственное, что старушка хочет знать, это как получить наличные и наказать подонка.

– Да, эту автоматную рожу. Лычке не мешает встряхнуть кукушку. А у бабки ясность полная. Хочет поймать тишину. Пофенеботаю с коллективом. Мне не звоните, не для трубки. Сама нарисуюсь.

Пофенеботала и «нарисовалась» через неделю. Копируя партийного чиновника, начала:

– Мы тут с товарищами посоветовались...

Посоветовались и, как оказалось, выдали разумную идею, в отличие от «тех» товарищей. Заключалась она в том, чтобы не пускать камни и изделия в продажу фарцовщикам или

подпольным ювелирам, а пожертвовать частью ради целого. Я попросил объяснить подробнее и для ясности не пользоваться криминальным жаргоном. Объяснила:

– Жаргон – часть моей двуязычной личности. Как говорится, билингва. В армии меня назначили бы офицером связи.

– Лейтенант, можно поточнее?

Вера засмеялась и подскочила:

– Слушаюсь, гражданин полковник!

И продолжила уже серьёзно:

– В провинции есть музеи драгоценных и декоративных камней, или специальные отделы в краеведческих музеях, особенно на Украине. Пусть ваша старушка напишет письмо в один из них, хоть в Харьков, хоть в Житомир и похвалит за идею такого собрания. Люди липнут к этим витринам. Завораживает. Не всё выставлять портреты героев социалистического труда или Вальки Терешковой. А в конце письма добавит, что готова подарить им один-два настоящих камня. Если их это интересует, то могут с ней связаться.

– Подарок в память о счастливой юности.

– Разумеется. И о первой любви. Но всё по порядку. Поначалу не поверят, скажут, что старуха дурит, но на наживку клюнут. У них там в экспозиции такое барахло, что явятся, как миленькие, и ахнут от восторга.

– А как провести оценку?

– Отнести в ломбард, который осуществляет, – Вера вы-

нула бумажку и стала читать, – «кредитование движимых вещей под залог на возвратной и возмездной основе».

– Как это на человеческом языке?

– В залоговой квитанции будет указана примерная стоимость. Во-первых, за оценку не надо платить, во-вторых, ломбарды слабо контролируются. Фамилия ни в каких отчётах не мелькает. Только по запросу суда. Дамы на лето сдают в ломбард свои шубы, чтобы сохранить меха в хорошем холодильнике. Стоимость заклада мизерная. Возврат вещей гарантирован.

– Хорошая идея. Оценили. Но дальше – дарственная. Это другой разговор. Как её оформляют?

– Название говорит само за себя. Документ должен содержать все реквизиты дарительницы и основания для такого действия. Можно и без оснований, но лучше сослаться на эмоции.

– Кто за это платит?

– За нотариальные действия пусть платит музей. Нельзя же всё на халяву. И рыбку съесть...

– Расцелуют благодетельницу за настоящие вещи.

– Как пить дать. И напишут, что это из житомирского месторождения. Месяца через два можно сделать подарок другому маленькому музею. Скажем, пару крестиков из слоновой кости и чётки. Для молвы двух музеев достаточно.

– Да. Будут трезвонить. И все растратить? Какой смысл?

– Не гоните картину. Не всё. Очень мало. Хорошо бы до-

бавить и третий камешек в музейный огород. Кстати, слоно-
вая кость не очень ходовой товар. В ней мало кто понимает.
К такому материалу в Советском Союзе не привыкли.

– Да, это не Китай.

– И не Византия. А вещицы – всего только затравка.

При слове «затравка» советы «специалистов» вдруг стали
проясняться. Тогда я ещё не был в Бразилии и думать не мог,
что когда-нибудь буду. Но кое-что знал. А именно то, как
переправляют стадо быков через реку, которая кишит пира-
ньями. Если к ним попадает животное или человек даже с
небольшой ранкой, эти рыбёшки с загнутыми кзади зубами
набрасываются и буквально вырывают из жертвы куски мя-
са. На фазендах знают, как этого избежать. Сначала в реку
загоняют слегка пораненного слабого быка, рыбёе мгновен-
но чует кровь и устремляется к её источнику. За какие-ни-
будь полчаса от быка остаются только кости, но стадо бла-
гополучно переходит реку чуть повыше места жертвоприно-
шения. Там нет крови, а пираньи заняты несчастным быком.
Я спросил:

– Вы имеете в виду отвлекающий манёвр?

– Именно. Музейному и городскому начальству ни к чему
интересоваться, откуда сверкалки и где родилась их хозяйка.
Дарёному коню в зубы не смотрят. Впрочем, скорее всего,
смотрят, но украдкой, и тихо помалкивают. Для них важно
заполучить завидный экспонат. Тем временем дарительница
получает на руки копии дарственных и излияния благодар-

ности. Чуть что, ткнёт в нос любопытному и завистливому. Хорошо бы ещё заметку в районной газете, и образ благородной дурочки будет сконструирован.

– Потрясающая подстраховка. Без юридического зонтика – ни шагу. Сразу вижу газетный заготовок «Благородный поступок».

Вера пригрозила мне пальцем и заметила:

– Благородно поступил – старушке место уступил. Слишком потрёпанно. Даже юные пионеры на этом давно оттоптались.

– Согласен. Но после дарения можно без боязни продать несколько колец в скупке.

– Можно и нужно. Лучше в разных скупках. Общей базы данных не существует. И, разумеется, без камней. Оценка производится только по металлу. Работа тоже не учитывается.

– Грабёж среди бела дня.

– Налицо. А ещё других обвиняют. Двойные стандарты, как у нас любят вещать об Америке.

Подумала и продолжила:

– Дальше постепенно заделаться посетительницей выставок прикладного искусства с рекламой на собственных пальцах. Как говорится, браслетами и кольцами звеня.

– Этакое антикварное дефиле.

– Да, потолкаться среди членов секции ювелирного дела Союза художников. Народ ушлый.

– Даму нужно прилично одеть.

Вера щелкнула пальцами.

– Костюм джерси с лиловой полоской. Не броско, но богато. Оставьте это дело мне.

Я пошутил:

– Но вы одеваетесь куда скромнее. Без лиловых полосок.

– Я не богачка и не Мурка.

– И то верно.

И продолжил рекламную идею:

– Моно-дефиле на прикладной выставке это гениально.

Ни к кому обращаться не надо.

– Члены секции сами потянутся на блеск, как гончие на запах. Подойдут, извинятся, попросят взглянуть на работу. Отчего не дать взглянуть?

– А Екатерина Никитична может покуражиться – покуражиться, а потом попросить совета, куда стоит обратиться за реставрацией.

– А коли есть что реставрировать, то станет ясно, что на пальцах ещё далеко не все экспонаты.

Тут мы перешли к конкретным планам. Я предложил:

– На первые деньги снимете ей квартиру.

– Да, в хорошем доме с охраной в подъезде. Где-нибудь на Кутузовском проспекте. Двухкомнатную квартиру в высотке. Там весь московский свет. Ни один бандит не полезет. У меня хорошая информация.

– Кто бы сомневался.

– И наймём домработницу. Хорошо бы с мужем-амбалом, чтобы отвадить гада-правнучка. Потом потихоньку продавать, как бы выдавая самой себе зарплату. Скромные покупатели найдутся.

– На камешек, на другой...

– Да, так вернее. Кстати, об уникальных вещах. Музейную вещь не продашь. Её везде выследят. Никто не захочет связываться с заведомой обузой.

– То есть для лучших вещей нет выхода?

– Есть. Такой, например, вариант. Хорошо бы, если кто-нибудь из её новых знакомых по секции ювелиров случайно обронил в разговоре с музейщиками, что есть, мол, известная дарительница, которая с чем не расстанется, так это с композицией курочки с цыплятами эпохи рококо и с табакерками. Датированные вещи с хорошим провенансом. Музейщики, как рыбаки, – расставляют сети среди вдов и старых дев.

– Потрясающе! Вы, кажется, всё продумали.

– Почти. И пусть музею удастся уговорить упрямую старушку продать будущий выигрышный экспонат. У больших музеев есть госфонды для закупок. Нужно настоять на том, чтобы договор купли-продажи был обязательно оформлен в известной нотариальной конторе. Оплату нужно провести через сберкассу. Сделка с высоковольтным учреждением гарантирует от всяких поползновений правнука оспорить купчую. Это если ему посоветуют объявить себя наследником

по представительству. Хотя маловероятно.

– Он просто дворовый дурак. Не с вами тягаться.

– Да уж. Какое там представительство с грязной шеей.

– Всё понял. Если за спиной будет стоять большой музей, наследство становится прозрачным для всяких там органов.

– Деньги станут чистенькими и никаких придирок.

– Вера, ваша компетентность неисчерпаема.

– Спасибо за комплимент. Нотариат – моё хобби. Стараясь. Следуем правилу Ломоносова, «если где что убавится, то в другом месте прибавится».

– Я так понимаю, что вас больше интересует, откуда прибавится.

– Каждому по вкусу. И надобности разумеется.

– Да, важный вопрос – где до этого хранить запасник. Чтобы не убавилось, как вы выражаетесь.

Вера встрепенулась:

– Вот этого я и знать не хочу. Иначе чуть-что, беды не оберёшься. Всё на тебя свалят. Повар пеночку слизал, да на кисоньку сказал. Киску били-колотили... Но по нашей схеме запасник быстро закрывается. Всё окажется в сберкассах и в облигациях «золотого» займа, кроме двух-трёх серьёзных вещей на руках. На случай денежной реформы. Знаем, плавали.

– Вы правы. Спасибо. Кстати, у меня нашлась бывшая медсестра, которая согласилась присматривать за Екатериной Никитичной.

– А у меня член коллектива, который присмотрит за правнуком, чтобы эта сопля морская на пятьдесят метров не приближалась к богатой родственнице.

– Как вы это сделаете?

– Если ползет, то получит ногой в пах, полежит, чтобы было время подумать, и успокоится. Таким ухарям только старух обирать.

Эти соображения я изложил Екатерине Никитичне. Подумала и спросила только:

– А вам не кажется, что мы романтизируем преступное сообщество?

– Мой жизненный опыт показывает, что если поклянутся, то с ними иметь дело надёжнее, чем вязаться с наглыми следователями и так называемыми народными судьями.

– Да, и я того же мнения.

Все проблемы решились, когда один из крупнейших музеев приобрел проблематичную курицу. Осталась мелочёвка на расходы. Впрочем, кому они мелкие, а кому и нет.

– Курочка по зёрнышку клюёт и сыта бывает, – заметила Екатерина Никитична. – Вот и я, наконец, сыта. Сказала бы, что по горло, но эта метафора меня угнетает.

Да, была сыта, прожила в сытости и довольстве еще десять лет в окружении новых друзей и знакомых.

При счастье все дружатся с нами.

II

Но похождения курочки восемнадцатого века на этом не кончились. Странно было, что она никогда не появлялась в открытой экспозиции. Пока через много лет я не увидел буклет с ювелирными изделиями на аукционе отеля Друо в Париже, где на фотографии эта композиция и увеличенная гравированная подпись на подставке были вполне узнаваемы.

Мне до этого рассказывали искусствоведы, что известная дама-куратор московского музея погибла в автомобильной катастрофе. Жалко, но бывает. Однако, не всегда случается, что при инвентаризации в коллекции не оказывается самых ценных единиц хранения. Но, ясно, уголовное дело не заведешь, с мёртвой не спросишь. То есть спросить-то можно, но не ответит. Факт тот, что композиция каким-то образом оказалась во Франции. Когда я осторожно начал задавать вопросы, дама-аукционерша занервничала, заявила, что это другая вещь, пробная отливка, и отказалась вести переговоры об экспертизе. Насчёт отливки это чушь. Будто после пробной была ещё какая-то отливка. Это вам не гравюра. Никто пробными отливками из драгметалла не торгует. Их просто переплавляют и пускают материал в оборот, используя скорректированную форму. Я успокоил брокеров, сказав, что это всего лишь моё праздное любопытство, больше ничего. После этого птица со своим выводком прочно обос-

новалась на исторической родине. Произведения искусства тоже репатрируются. Богатый французский покупатель из Лиона предпочёл остаться в тени.

Вернёмся, однако, к началу истории.

– Скажите, как мне отблагодарить Веру Ефимовну? – обратилась ко мне Екатерина Никитична.

– Я у неё узнаю.

Спросил у Веры. Ответила:

– Я счетов не выставляю. Но буду рада хорошим серьгам. Есть, однако, нюанс. Как вы знаете, я не одна. И нам по делу нужно ожерелье. Не слишком дорогое и не слишком дешёвое. Для наживки.

Я передал это пожелание старой даме. Та сказала, что Вера получит и то, и другое, на всякий случай по дарственной:

– Мало ли кому придёт в голову потребовать у Веры Ефимовны уточнений относительно того, откуда эти украшения. Не будем забывать про её деликатный статус.

– Она себя определяет как теневого юрисконсульта.

– Я не специалистка по гангстерскому кинематографу, но что-то мне напоминает «Крёстного отца». Помните, личный юрист дона Корлеоне.

– Как же. Том Хэген. По роману он распорядился подложить в постель «трудного» режиссера лошадиную голову ценной в полмиллиона долларов.

– И актёр получил роль.

– Да, получил. Вряд ли Вера достигла таких голливудских высот. Но с идеей дарственной у неё свои соображения.

– Какие?

– Она просит оформить бумагу только на пару серёг.

– Ей виднее. Я сделаю бумагу на серьги с изумрудами в бриллиантовом обрамлении. Она того заслуживает. Это её гонорар. Напишу в дарственной, что спасла мне жизнь.

– Как?

Екатерина Никитична развела руками:

– Как? Разве вы не знаете? Вытащила за ногу из-под трамвая.

– Ого! Явно заслуживает. А вы, я вижу, становитесь всё находчивей. Приятно видеть.

– Когда есть дела, голова начинает работать. С кем пове­дётся...

В разговоре со мной Вера была более информативна:

– Серьги лично для меня. Спасибо. С бумагой оно надёж­нее. Про ногу не забуду. Левую, если быть точным.

– Где?

– Метро «Университет». Трамвай в сторону Черёмушкин­ского рынка. Но по поводу ожерелья есть пояснения. Оно нам нужно, как говорят, в незасвеченном виде. То есть, что­бы не проходило ни через ломбард, ни через комиссионку, ни через таможду и – не приведи господи – не числилось среди потерянных или краденых вещей. Само взяло и с луны свалилось.

– Естественно. На луне, там много чего валяется.

– Да, как раз то, что нужно для заправки.

– Наживка, заправка. Я второй раз об этом слышу. Для какой цели? Можете рассказать?

Обычно Вера любила делиться своими планами. Знала, что ценю её юридическую подготовку и живую смекалку. Но тут твёрдо ответила:

– Пока не могу. Если всё выгорит, то где-нибудь через полгода-через год. Операция затяжная, требует терпения, учёта обстоятельств.

Обстоятельства учли, но ждать пришлось больше двадцати лет. Я уже об этом почти забыл. Вспомнил, когда Вера пришла попрощаться перед отъездом в Америку вместе с супругом. Кстати, дарственная с благодарностью за спасённую жизнь потом пригодилась на таможне – серьги после часовой ругани разрешили вывезти как «предмет эмоциональной значимости». Когда мы вышли из университетской поликлиники в сквер зоны «Е», оглянувшись, сказала:

– Да, цвела весна и май кивал цветком. Давайте присядем на скамейке. У меня нет мании преследования, но лучше на этой, без кустов сирени позади. – И продолжила, – Помню, что за мной должок. Вы тогда спрашивали про наживку, я вам нетактично отказала, но пообещала объяснить, что она из себя представляла и для чего была нужна. Помните?

– Ещё бы.

– Операция давно закончена. Теперь можно рассказывать.

Только имена изменю.

Она говорила очень серьёзно. Замечание насчёт кустов заставило меня поёжиться. Сначала даже показалось, что лучше бы мне всё это не слушать, не то что потом пересказывать. Но сам напросился. Чтобы избежать громоздкости, я сообщу всё, что мне рассказала Вера, как бы от третьего лица. На вопрос о том, как ей удалось узнать закулисные подробности улыбнулась:

– Есть многое в природе, друг Горацио...

Оказалась, что занимательная история связана с некоей Филанок, с которой Вера училась на одном потоке юрфака МГУ, но, изящно выражаясь, отклонилась от основного курса. Отклонение это произошло на четвёртом курсе, в сторону ненормативной юриспруденции. Филанок, истовая комсомольская сволочь, никуда не отклонялась, вступила в партию и стала судьёй. Их судьбы сошлись так, что именно она попыталась посадить Вериного мужа. Бесцеремонно, грязно стряпала дело, коррумпированный следователь с её подачи подкинул нужные вещдоки. Инструктировала прокурора, в процессе грубила, хамила, затыкала рот адвокату, угрожала свидетелям, – словом, рьяно, фанатически старалась его далеко и надолго упрятать. Походя заметила:

– Я так его укатаю, что света белого не взвидит.

А коллегам, когда ей посоветовали не свирепствовать, бросила:

– Неважно, что нет улик. Он виноват уже потому, что я,

коммунистка со стажем так считаю.

Когда эта фраза дошла до подсудимого, тот усмехнулся:

– Как в басне. Я виноват уж тем, что хочется ей кушать.

Но, стерва, подавится.

Джентльмен почему-то к назначенному развитию событий не был склонен, поскольку посадка – это единственное, что могло угрожать его авторитету. Воры в законе не сидят. Так что не подумала, кого гробить.

Не знаю, просыпался ли кто-нибудь с окровавленной лошадиной головой в постели, но, несмотря на запугивания, во время слушания в Горсуде свидетели обвинения наотрез отказались от показаний, вещдоки исчезли, и дело было направлено на новое рассмотрение в нарсуд. Та же судья без согласия заседателей, на одном нахрапе оставила приговор в силе и этим громко похвалялась. Однако нитки были слишком белыми, и в результате последней апелляции дело тихо скисло. Скисло, но не заглохло. Память у подследственного была отменная.

Через какое-то время, возвращаясь на дачу, судья Филанок, заметила около дачных кустов небольшую сумочку. Огляделась вокруг, сделала вид, что поправляет чулок, и украдкой бросила найденные предметы в пластиковый пакет с продуктами. В сумочке, как потом выяснилось, кроме тёмных очков в модной оправе находилось и некрупное ожерелье с голубым камнем. Через замок цепочки был просунут шелковый носовой платок, по-видимому для того, чтобы

ожерелье как-нибудь не выскользнуло. Всё указывало на то, что хозяйка не из простых и не из местных. Прямо скажем, приятная находка. Нечаянный интерес, как выражаются гадалки.

Но Филанок была не одна. Вера, наблюдавшая из соседней дачи через полевой бинокль, обернулась и удовлетворённо сказала своему спутнику:

– Подобрала и воровато огляделась.

Потом с улыбкой добавила:

– Глупое выражение. Я что-то не припомню, чтобы ты когда-нибудь оглядывался.

– Только на тебя.

– Мерси. Психологически её поведение означает, что припрятала, ой – бой, ничего отдавать не собирается. Не предполагала, что имеем дело с такой дурой. Найди она что-нибудь на самом деле, в дачном посёлке давно бы раззвонили о потере и с игрушкой пришлось бы расстаться.

Её спутник спокойно ответил:

– Ну и хорошо, что дура. Как бы нам жить, мой свет, если бы все были умными? А нам пока лучше схипнуть. Не хватало только, чтобы она углядела блеск стекла.

– Не беспокойся. Бинокль безотражательный.

– Тогда приступаем к следующему этапу.

Начиная с этого времени, за судьёй было установлено ненавязчивое наблюдение. Но никто, боже упаси, не бегал за ней по следам, не тарачил глаза и не прятался в подъез-

дах. Просто в гастрономе рядом с домом, где та приобретала продукты, кассирше Марине было удобно рассматривать покупательницу вблизи и иногда перебрасываться с ней короткими замечаниями.

Четыре месяца подряд ничего не происходило. Наконец, однажды под вечер кассирша позвонила Вере и взволнованно сообщила:

– Есть новости. Но не те, которых вы ожидали. Я ничего не могу понять. Надо поговорить.

Из сбивчивых объяснений стало ясно, что ожерелье с сапфиром обнаружилось на шее совершенно незнакомой женщины.

– Опиши её, пожалуйста, – попросил Верин супруг.

– Лет сорока пяти. Коренастая, мужиковатая. С двойным подбородком. Я, собственно, из-за подбородка и заметила кулон.

– Ожерелье.

– Ах, да, ожерелье. Там же синий камень. Я сразу закрыла кассу и отошла к окну посмотреть фотографию. Точно как на снимке, который мне дали.

– Снимок у тебя?

– Я его порвала и пока сюда ехала, разбросала мелкие кусочки по дороге.

– Молодец, сообразила, – похвалила Вера. С появлением камня на сцене это было бы опасной игрушкой.

– Какие ещё приметы у женщины?

– Волосы выкрашены марганцовкой в красно-бронзовый цвет. У меня платила несколько раз. Такие запоминаются. В последний раз отоварила беконом.

– Отсюда и двойной подбородок. Растёт прямо из окорока. Не знают удержу в жратве. Но дело не в этом.

Естественно, что Вера ожидала увидеть ожерелье на судье, подобравшей сумочку. Предполагалось, что та должна была выждать, не объявится ли хозяйка и не придётся ли расстаться с находкой. А тут украшение на мужиковатой тётке со свининой в сумке.

И вдруг Веру озарило:

– Мне кажется, я знаю кто это. Дайте чуть подумать.

И тут же объявила:

– И вы тоже знаете. Прокурор, новенькая, сестра Филанокши. Но у неё другая фамилия, Соловейчик, кажется.

Муж употребил несколько коротких, но выразительных слов и с сожалением заметил:

– Невезуха. Это отвлечёт обвинение от сестрицы.

– Никак не отвлечёт. Думаешь, она возьмёт взятку на себя?

– Хороший каламбурчик.

– И вправду. Прокурорская закваска не позволит. Сдаст сестрицу, как пить дать. А наша задача заложить обеих.

– Садись и пиши. Кто у нас юрисконсульт?

– Напишем в областной суд, но это не их дело. Москва – столичный город. Перекинут куда надо, а пока переадресо-

вывают, перекидывают – словом, пока бумага гуляет – обязательно начнутся утечки, и отношение к коллегам начнёт меняться. В судебной практике нет ничего хуже недосказанностей и недомолвок. Не будут торопиться с повышением. Этот лишний раз не так сердечно поприветствует, тот забудет поздравить с днём рождения, а иная просто подождёт губы и отойдёт. И всё это будет продолжаться больше года. Юристы народ осторожный и предусмотрительный. Наша парочка станет токсичной для общения. Уже успех. Но я подготавливаю заявление. Для этого мне нужно перевоплотиться во взяточдателя, как учил Станиславский.

Супруг заметил с серьёзным видом:

– Я не очень доверяю старику. Из него сделали икону. Но он учил не только стрелять из ружья, но и коверкать речь, когда надо. Ведь донос это тоже речь, только письменная.

Вера подвела итог:

– То есть не должно казаться, что некий грамотный автор имитирует слишком явную безграмотность.

– Ты, как всегда, определяешь безошибочно. Мы не должны быть настолько умными, чтобы никто не подумал, что мы умные.

– Примем во внимание, хозяин.

– То-то же.

В Московский областной суд

«Не могу сообщить моё имя и отчество, так как это мо-

жет грозить неприятностями от людей, которые меня обманули жестоко. С другой стороны приступление настолько серьёзно, что не могу умолчать. Опишу всё верно, что вы можете проверить чтобы поверить в мои слова. Обвинение в вымогательстве и взятке касается судьи Филанок и её сестры-прокурора. Ужасно. За неделю до суда над моим мужем эта Филанок на автобусной остановке всё на меня зыркала, а когда автобус отъехал, подошла и потихоньку сказала: дело можно уладить. Как так? Если я согласна её отблагодарить, всё будет путём. Я была в жудком положении, готова на всё и не взяла умом, что иду на преступление. Спросила её, какой подарок лучше. Она сказала: А вот это украшение, на вашей шее. Дешёвенькое, но мне нравится. Я хотела тут же снять ожерелье и отдать ей, но она сказала, что я сошла с ума. Зачем сходить с ума, ежели дешёвенькое? Наказала, что мне нужно оставить его в футляре завтра на повороте к её дачи. Чёрный футляр положить в кусты напротив того места, где на тропинке будет валяться карандаш, надломленный. Достала из сумки футляр и мне дала. Я оставила там ожерелье, но она меня крупно надула. Ушла в отпуск и дело рассматривал другой судья. Брата засудили а он ни в чём, ни в чём ни виноват. Теперь ожерелье носит её сестра. Канешно вы можете мне не верить и никто ни будет удивляться, что ей удалось отовраться. А ожерелье не «дешёвенькое», очень дорогое. Вот его описание, к счастью оно у меня сохранилось с тех пор как собиралась продавать:

«Объект экспертизы: сапфировое ожерелье (правильнее – кулон с сапфиром). Камень в виде голубой капли тёмно-морского оттенка, вес 4,24 карата в оправе из серебра, на четырёх захватывающих лапках в виде лепестков по периметру. Камень без видимых дефектов. Следы новой пайки в основании верхней левой заклёпки. Элементы ажюра указывают на первую треть девятнадцатого века или раньше. Серебряная цепочка Бисмарк и замок современные, 925 пробы».

И за подписью ювелира из Столешникова переулка Аптекаря. То есть он как бы ювелирный мастер. Частный, а никакой ни аптекарь. Фамилия такая. Можете с ним поговорить. Он должен узнать ожерелье. Предлагал купить. А мне не нужно никаково ожерелья или кулона, как он сказал правильно. Сами виноваты. Что упало то пропало. Но прошу проверить мое объяснение, как оно оказалось на шее с погонами. Тоже мне цаца. Купила, взяла поносить или получила за какую услугу от Филанок? Или подобрала около дачи, как сестра наказала? Та сама не пошла, сестрёнку отправила. Прямо скажу, что они обе бесчестные злодейки задействованы в вымогательстве и взятки. С такими судьями и прокурорами греха не оберёшься».

Кому бы говорить про злодеек и особенно про бесчестье. Как правило, такие заявления в теперешней полиции, как и в прежней милиции, всерьёз воспринимать не принято. Оценивают как обычную клевету и очернительство. Словом, в качестве мотивировки просто-напросто месть за неугодный

приговор. Но автор анонимки резонно объяснила, что не собирается сообщать свою фамилию, чтобы её не засудили как взяткодателя. Или взяткодательницу. Не знаю, существует ли у слова женский род. Но бывает, некто увидел кольцо на пальце и решил устроить неприятности представителю закона. При проверке выяснилось, что кольцо действительно принадлежит хозяйке. Никто его не тихонько не передавал при слишком сердечном рукопожатии, в почтовый ящик не скидывал. Стандартный вариант глупого оговора. Вряд ли прокуратура захотела бы заводить дело при таком раскладе. Ворон ворону глаз не выклюет.

Однако случай был далёк от примитивного и ворону не стоило торопиться щадить глаза. Уже в последственном периоде возникла масса вопросов. В том, что чужое ожерелье было у судьи, никто не сомневался. Но разъярённые Филанок и Соловейчик не отвечали на вопросы, даже на самые простые. Почему, например, ценная находка не была немедленно передана в отделение милиции. То есть прокурорша смогла объяснить, что увидела сапфир у сестры и примеряла ожерелье перед зеркалом, но кто-то позвонил, поговорила и, уже позабыв про украшение на шее, вышла с ним в продуктовый магазин за покупками. Но не может объяснить то, каким образом её сразу взяли на прицел и послали подмётное письмо. Как будто возле дома кто-то поджидал когда она пойдёт отовариваться беконом. Филанок же в голову не приходило, что вещь ей просто подбросили, как платок Дез-

демоны генералу Отелло. При расспросе, а потом и при допросе, она (Филанок, не Дездемона), как обычно, грубила и настаивала на том, что нашла его на дороге и возмущалась, как её, члена партии со стажем, посмели в чём-то подозревать. Впрочем, я как-то столкнулся с пациенткой, которая при шестимесячной беременности сучила ногами и вопила: «Как вы смеете подозревать, что я не девушка!?»

Даже нейтрально настроенные коллеги над объяснениями сестёр откровенно смеялись. Можно ли поверить судье со стажем, когда та утверждает, что сапфиры валяются на дороге, особенно в подозрительной близости к даче? Это вам не вещдоки, подкинутые мерзавцем-следователем по её наущению. Хорошо, вы согласны, что сапфиры на дороге не валяются. Но почему тогда не сдать находку в милицию? Повесить объявление? Молчит, набравши в рот воды. Уточните, пожалуйста, по поводу ценной вещи, как именно вы её обнаружили. Ведь не валялась же она на дороге? Филанок сказала, что ожерелье было в футляре, но цвет не помнит, кажется, чёрный. Были ещё какие-нибудь предметы рядом? Небрежно бросила, что рядом вроде был какой-то карандаш. Точно не помнит. Следователи мгновенно дали протокол на подпись. Скорчила презрительную мину и подписала без всяких возражений. Дознавателей поразило, что судья со стажем может так беззубо, бездарно себя спалить. Спалила. После этого дело можно было передавать. наверх. Передали.

Однако, и этих совпадений было мало. Самым убийственным пунктом для Филанок оказалась не столько неправдоподобность и путанность объяснений, сколько приведённое в подмётном письме доскональное профессиональное описание кулона, которое точно совпало с экспертной оценкой «найденного» предмета. Особенно пригодились совпадение веса и наличие следов пайки точно в указанном месте. Пригласили эксперта. Аптекарь, он же ювелир, действительно опознал вещь и подтвердил своё прежнее описание на основании индивидуальных особенностей. Начал так:

– Знаете, в отличие от живописи, ювелирное дело имеет свою специфику. В прикладном деле невозможны ни абстракции, ни натурализм. Импрессионизм так же невозможен, как и соцреализм. Камни холодны. Эмоции на них только проецируются.

– Нельзя ли без импрессионизма? Поближе к делу. Конкретно, кто принёс вещь?

– Не припомню. Какая-то старуха с клюкой.

– Можете описать точнее?

– Только как бабу-Ягу. Разница в том, что не хромала.

– Тогда почему с клюкой?

– Потому что была сгорбленная.

– Вы предлагали приобрести означенное изделие?

– Клюку?

– Какие шутки! Вещь, которую принесли на экспертизу.

– Что вы говорите! Не надо мне делать нервы! Их есть без

вас кому портить!

– Вот именно – шутить не надо.

Сомнений не оставалось: на основании серьёзной доказательной базы стало очевидно, что действительно существовал некий даритель, который в силу предварительной договорённости о положительном исходе процесса в качестве взятки передавал дорогую вещь, и получательница этой вещи – взяточница. При этом последняя не смогла убедительно объяснить, как эта вещь у неё оказалась. А поскольку было доказано, что получательница судья, то даритель должен был называться взяткодателем, а судья-взяточницей. Несмотря на все сложности возбуждения уголовного дела через Высшую квалификационную коллегия судей и предъявления обвинения, скандальный процесс не удалось замять. Черновик приговора коллективно выверяли специалисты высокого пилотажа. Кроме прочего, в решении было отмечено, что судья первого квалификационного класса «умалила авторитет судебной власти». Что правда, то правда, умалила. Умалила, и не однажды.

Попытались было проверить, какие отложенные уголовные дела рассматривались во время отпуска Филанок. Но их было много и они вполне могли рассматриваться, но не в этот период, а позже. Так что авторство анонимки установить не удалось, прищучить по этой части было некого. Никому не пришло в голову, что надо бы прищучивать двоих. Личность «бабы-Яги» тоже осталась неустановленной. Улетела на клю-

ке.

Украшение, естественно, поступило в казну, сестрицу оправдали, но рекомендовали перейти в адвокатуру, а Филанок получила четыре года тюрьмы с пребыванием в колонии строгого режима, причём с запретом занимать государственные и выборные должности после отбытия срока. Особенно страдалицу огорчило требование сдать партбилет. Кроме чтимого документа, душевная тяжесть была даже не в перспективе длительного пребывания в тюрьме или на зоне, а в том, что судыхе пришлось на себе испытать унижения, которые она сама садистки практиковала: жгучий позор в присутствии бывших коллег, суровый несправедный приговор при полной неспособности оправдаться, публичное взятие под стражу в конвойные наручники. «Взяли в железы», как говорилось на Руси. Зал суда был переполнен, восторг, аплодисменты, гогот, – словом, людская молвь и конский топ. Какая-то искусственная, неблагонадёжная, хотя и прилично одетая публика. Может быть, даже слишком прилично одетая, во всё новенькое. Порой среди мельтешения счастливых лиц она смутно различала черты, которые ей кого-то или что-то напоминали. Какой-то шрам, прищур? Или ей так показалось? Кто-то вроде шептал: «Бригадир», «Шеф», «Лидер отрицательной направленности».

Так и отсидела, голубиная душа, от звонка до звонка. Пока делила досуг со взяточниками, вымогателями, мошенниками, насильниками, убийцами в прилегированном – от су-

мы да от тюрьмы не зарекайся – заведении для прокурорских и судейских, окончательно осознала, кто был тот, кто своим присутствием почтил страшное для неё судебное заседание. Ей он часто являлся в липком кошмаре: лицо со шрамом, увеличиваясь до гигантских размеров, с усмешкой надвигалось на неё и кто-то вещал: «Твои понты не прокатывают».

Сообразив и обдумав, что и откуда, возликовала и срочно собрала консилиум из коллег-юрпреступников на зоне, чтобы обсудить возврат дела на новое рассмотрение. По воспоминаниям одного из этих зэков теневой судейско-прокурорский консилиум собрался, но к идее пересмотра многоопытные юристы отнеслись с явным раздражением. Состоялся такой разговор.

Бывший председатель облсуда, сидящий за растление малолетней племянницы, поинтересовался:

– Какую мотивировку вы предлагаете для пересмотра дела?

– В связи с вновь открывшимися обстоятельствами.

Послышался неодобрительный гул:

– Где вы их открыли? Всё с ваших слов. Почитайте Процессуальный кодекс! Одолжу.

– Где сумма доказательств, мотивировка? Кто вам поверит?

– Дураки есть, но их не так много!

Облсуд заключил:

– Хотите добавить срок? Я бы вам прибавил за то, что не

раскаялись. Я-то раскаялся и вот мне скостили. Так что не рыпайтесь.

Эдмону Дантесу, графу Монте Кристо, пришлось просидеть четырнадцать лет в тюрьме, прежде чем начать мстить. Вору в законе, одетому не хуже графа, которого судьяха обещала укатать на всю жизнь без всяких улик, удалось обойтись без срока и укатать её.

Никто не будет спорить: справедливость восторжествовала в широком смысле. Но не совсем так, как себе это представляет официальная юриспруденция. Игроки всего-навсего поменялись местами. Рокировка.



Не с тем связалась.

4. Лувр

За свою жизнь я перебивал во множестве музеев и всегда старался попасть в запасники. Кстати, в запасниках Музея изобразительных искусств до возврата в Германию находилась большая часть умыкнутых картин Дрезденской галереи, включая Сикстинскую мадонну. Разумеется, под семью замками. Остальные сокровища по дороге задержались в Киеве.

Если вернуться к военным временам, то я здесь не высказываю никаких моральных суждений. Все хороши. Русским ещё мало досталось. Не сообразили, не организовали нужный отдел НКВД, не разработали инструкций по выемке культурных объектов. Из Германии в числе таких объектов советские солдаты тащили с собой только то, что по части голых баб, потом выбрасывали. Не везти же такую срамоту домой в виде трофеев.

Это вам не шёлковые пижамы, которые офицеры в качестве тех же трофеев отправляли посылками для своих жён. То, что это ношеное чужое бельё с пятнами в подмышках, мало кого смущало. Жёнушки долго кумекали по поводу пижам. Нарядные вещицы, точное назначение которых не было им известно. Да и не только им, их мужьям тоже. Впрочем, последние, хотя и краем глаза, но видели мир, по этой части за них сложно поручиться. Опробование пижам происходило как в басне: «То к темю их прижмёт, то их на хвост на-

нижет, то их понюхает, то их полижет...». Пижама отказывались действовать. В провинции по неиспорченности и душевной простоте дамского офицерского корпуса шёлковые комбинации и пижамы стали использовать для парадных выходов в театр. Разумеется, к изумлению и восторгу меломанов. Ложи бенуара можно было именовать ложами дортуара.

Немцы же к пижамам были привычны. Они больше интересовались предметами искусства (в эстетической и коммерческой ипостасях) и планомерно вывозили из оккупированных стран живопись, скульптуру и антиквариат. И если говорить всю правду, то разбойничать начали не немцы. В позапрошлом веке англичане обобрали Египет и Грецию. Из Афин британский посол в Турции вывез скульптуры Парфенона – турки подарили. Греция до сих пор требует их реституции. Ещё раньше Наполеон в результате своего итальянского похода обогатил Лувр массой шедевров живописи из музеев, церквей и частных коллекций. Всё это богатство и сейчас в Париже.

И однажды, как обычно, ни с того ни с сего, у меня возник такой вопрос: а что, во время немецкой оккупации Франции Лувр тоже пощипали? То есть, выражаясь циничным совковым языком, попытались ли каким-либо образом «экспроприировать экспроприированное»? Маркс и Энгельс в своём Манифесте предлагали что попроще: «грабить награбленное». А если немцы собирались захватить ценности, то как реагировали французы?



По данным Министерства ремёсел, торговли и туризма до квадратного двора (la cour carrée) Лувра добираются менее 15 % посетителей музея. Остальных заглаживает стеклянная пирамида, составленная из 666 стёкол, под которой находится вход в музей. Поблизости вьётся огромный хвост желающих приобщиться к прекрасному. В первые воскресные дни месяца посещение бесплатно и народу ещё больше. Между тем, квадратный двор – красивейшее место дворцового ансамбля, само по себе произведение архитектурного искусства. На его строительство ушло больше ста лет. Попасть туда можно через три арки. Одна ведёт от пирамид, северная – с улицы Риволи и южная – с набережной Сены.

Внутри этих арок, в их торцах, как и во всём Лувре, расположены стеклянные двери служебных входов, украшенные травленным цветочным орнаментом. Их много: администрация, отдел живописи, отделы скульптуры, прикладного искусства, реставрационные мастерские. В арке двора со стороны Сены находится дверь без вывески. Это вход в библиотеку музея и Архивы национальных музеев, расположенные на третьем этаже и в мезонине. А первые два этажа, когда-то королевские покои – экспозиционные. Это павильон Сюлли с его греческими и египетскими древностями.

Пешеходы снуют через арку в сторону двора и на набережную, и не подозревают, что внизу, как раз у них под ногами, под асфальтом арочного проёма располагается затемнённый зал номер 1 или попросту крипта со сфинксом – одним из сокровищ музея. Идеально сохранившаяся скульптура с туловищем льва и головой фараона Аменемхата II.

Обычно в павильон Сюлли попадают через главный – пирамидальный – вход, хотя, как выяснилось позже, если хорошо обследовать музейный лабиринт, то можно пробраться и из Архивов.

По прежнему опыту попадания в музеи через служебный подъезд я знал, что самым серьёзным препятствием оказывается консьержка на входе. На этот раз всё обошлось благополучно. Взглянув на моё бразильское удостоверение личности, прибранная седая дама приветливо улыбнулась, куда-то позвонила и сообщила о цели моего визита:

– Мсьё – бразильский журналист. Его интересует переписка администрации Лувра с немецкими оккупационными властями.

Через интерфон я услышал:

– Это к нам. Объясните мсьё как сюда подняться.

Никаких выяснений, никаких подозрительных интонаций, никаких подскоков. Воображаю, как на подобный вопрос отреагировали бы в России, где архивы не любят, не показывают, не раскрывают, относятся к ним, как к гражданам с судимостью или как, бывало, милиция к бывшим репрессированным. Всегда с подозрением: «Сидел? Значит, было за что. У нас зря не сажают». Хотя именно у нас вечно сажали зазря и продолжают это делать. Заикнись я об общении и вежливой переписке дирекции псковского или орловского музея с немецкими оккупантами, вдобавок искусствоведами по специальности, сознательная дежурная на входе, наверное, начала бы сучить варикозными ногами и вместо архива сразу же связалась со Следственным комитетом или вызвала ОМОН. Легла бы на пулемёт, но не позволила очернить Родину. Тут я спохватился, прервал мысленные рассуждения и умиротворённо выдохнул. По счастливым обстоятельствам Лувр располагается не в России, а во Франции, и эти дуболобые персонажи туда пока не вхожи. По крайней мере, при исполнении служебных обязанностей, то есть в чёрных масках – намордниках.

Когда в микроскопической лифтовой кабине я поднялся

на пятый уровень Лувра, сотрудник Архива уже подготовил план расположения документов и шифры необходимых мне папок. Вся переписка, даже с немецкой стороны, была на безкоризненном французском. Это были вторые машинописные экземпляры писем на тончайшей, почти просвечивающей бумаге.

Я сел читать и сразу же окунулся в нелёгкий музейный быт сороковых годов прошлого века. Мне до этого было известно, что со времён Первой мировой войны у Лувра был хорошо продуманный план эвакуации экспонатов. Он и был приведён в действие в конце тридцатых годов. На редкой фотографии величественная Большая галерея, где обычно стены – живой учебник истории искусства, пуста, замусорена. На другой Венера Милосская, стоящая на деревянном подиуме. Кругом ящики, тележки, кособокая лестница. Богиня обмотана какими-то верёвками, будто перед повешеньем. Из-за этих перевивов создаётся впечатление, будто ей за спиной повязали руки. Из всех возможных положений верхних конечностей непокалеченной скульптуры (а таких предположений великое множество) это самое необычное. Вид у Венеры растерянный: «Меня снова везут? Куда? Как бы теперь ноги не отломили».



После начала военных действий коллекции разместили в 720 хранилищах в Парижском районе и в провинции, в средневековых замках и местных музеях. Для транспортировки громоздких вещей использовались грузовики театра «Комеди Франсез», предназначенные для перевозки декораций. Не обошлось и без курьёзов. Полотно Жерико «Плот Медузы»,

направленное в Версаль, зацепилось за трамвайные провода, а от короткого замыкания весь город оказался обесточенным.



Так часть шедевров была эвакуирована, опустошённые залы с зияющими рамами опечатаны, музей закрыт, а в колон-

наде Лувра вместо открытого кафе и кадок с пальмами появились овощные грядки с луком, редиской и помидорами. В той самой колоннаде, откуда во время Парижской коммуны главари коммунаров за выпивкой наблюдали, как пылает подожженный их приспешниками дворец Тюильри. Акт бессмысленного вандализма. Воздвигнутый как королевская резиденция, дворец некогда гармонично замыкал ансамбль Лувра со стороны Елисейских полей. Пожар перекинулся на музей со стороны Большой Галереи и если бы не Бернарди де Сигуайе с его солдатами, сегодня не о чем было бы писать. Об эвакуации тогда и не помышляли.

Через семьдесят лет набрались опыта, такую эвакуацию предусмотрели и превосходно осуществили. Однако оставалось ещё множество экспонатов, особенно хрупких и трудноподъёмных, которые не успели вывезти, и немецкое командование предписало открыть Лувр для посещения оккупационными войсками. Кто-то запечатлел момент, когда подле скульптуры «Диана – охотница» главный хранитель Лувра даёт пояснения немецкому начальству. Диана смотрится отстранённо. Всё это ей не внове. Скульптура была создана в начале новой эры и за две тысячи лет богиня, как-никак, посмотрелась на приходы и уходы оккупантов.

Спрашивается, почему немцы не стали грабить музей? Да потому, что по их теории французы тоже были арийцами, хотя и второго сорта. В основном по причине грязного Парижа, собачьего дерьма на улицах и запаха мочи в метро.

Помешанные на боязни эпидемий, немцы немедленно стали штрафовать за мусор и собак, а в метро вылили столько карболки, что там долго не выветривался запах санпропускника. И ещё неизвестно, от какого запаха сильнее воротит: от карболки или от аммиака. Мало пострадали также голландские музеи, хотя их уже задолго до этого потрясли на распродажах, так что самые привлекательные и репрезентативные вещи оказались в венском Музее истории искусств и в петербургском Эрмитаже.



Знаменитые аркады улицы Риволи через каждые пятьдесят метров завешаны алыми знамёнами со свастикой. Смотрятся они как яркие средневековые штандарты. Машин нет. Лишь редко – одинокий велосипедист. Город казался мёртвым.

Правда, не совсем. Политическая жизнь продолжалась по стрелкам часов, переведённых на берлинское время. В отличие от других европейских стран, Франции во время оккупации посчастливилось иметь своё правительство, располагавшееся в курортном городе Виши. Полностью сотрудничавшее с немцами, но какое-никакое правительство, даже с прежним контролем над африканскими и индокитайскими колониями и с возможностью выдачи загранпаспортов. По всей стране денежной единицей оставался франк, оккупационная марка не вводилась. Поразительно, но в качестве международной валютной единицы продолжал оставаться так называемый «золотой франк». Гестапо не свирепствовало. Высшая германская администрация оккупированной зоны располагалась в Париже, в здании Министерства иностранных дел на Кэ д'Орсе и скромно именовалась Германским посольством. Власти старались создать впечатление, что ничего не произошло, жизнь идёт как раньше. Было объявлено, что закрывшиеся магазины будут конфискованы. Первой из Биарица вернулась ювелирная фирма Картье.

Настойчиво распространялись слухи о том, что со временем Германия и Франция могут слиться в одно государство.

На юге существовала и малоизвестная, юридически неопределённая итальянская зона оккупации – оазис валютчиков и контрабандистов.

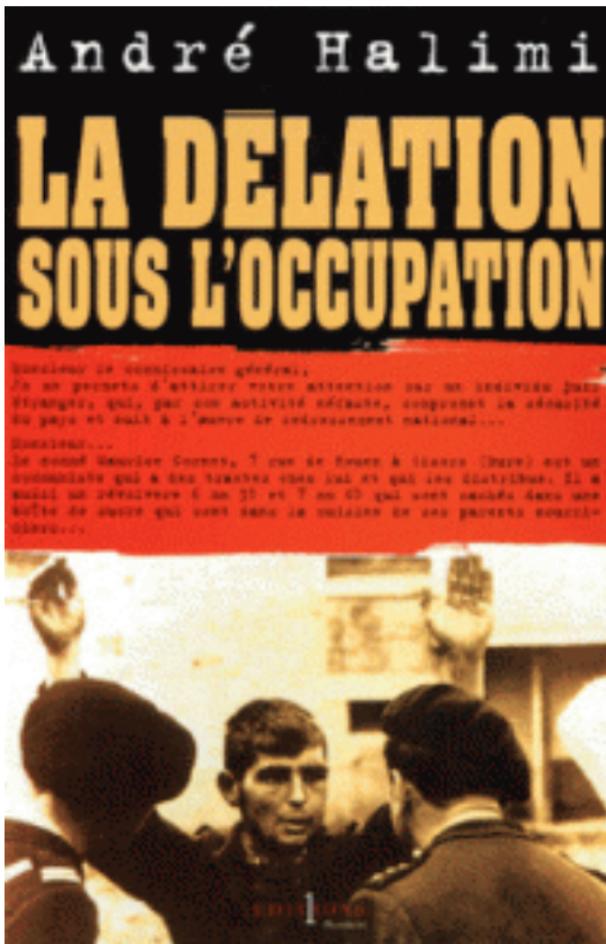
Учителей не преследовали, школьные программы оставались прежними. Правда, скололи надпись «СВОБОДА РАВЕНСТВО БРАТСТВО» на фронто́не Национального Собрания. Скололи неряшливо – надпись просматривалась. Маршалу Петену по подсказке из ведомства Геббельса срочно понадобились духовные блюда и теперь там красовалось его изобретение – «РАБОТА СЕМЬЯ РОДИНА». То есть свободу вместе с равенством и братством отменили как принцип. Зачем такие излишества при слегка припудренном оккупационном режиме? Вкальвай, плодись, размножайся во славу Родины и не тьявкай. Хорошо ещё, что из-за этого примитивного лозунга как-то не особенно насаждалось меню на тему священной национальной идеи. Хотя выходившая по-немецки Французская газета сильно старалась.

Приметы времени обычно удаётся отследить по изображениям на почтовых марках. Я отправился поговорить с филателистами на рю Друо и мне в голос объяснили, что такой патриотический девиз был отпечатан только на одной марке. Мечта коллекционера. Теперь она стоит невероятных денег. На остальных вместо «Французской Республики» фигурировала ненавязчивая надпись «Французское Государство» или «Почта Франции».



Функционировало и даже прибыльно большинство банков, в особенности такие гиганты как Лионский Кредит и Сосьете Женераль. Еврейских банков это раздолье не касалось. Небывалую активность проявляли аукционные дома, но доступ на их торговые площадки в том же отеле Друо для евреев был категорически воспрещён, о чём крупным заголовком при входе извещала префектура Девятого окру-

га. Словом, антисемитизм был в полном расцвете. Я не зря потратил целый день на просмотр прессы той поры. В газете «Гренгуар» от 1942 года некий Филипп Анрио писал: «В Европе 10 миллионов носителей заразы вызывают на нашем континенте эпидемии, от которых мы можем погибнуть...». От цепных репортёров не отставали простые труженики и труженицы, настоящие патриоты и патриотки. В книге, а позже в своём документальном фильме «Доносительство во время оккупации» Андрэ Алими приводит тексты десятков доносов на скрытых и прячущихся евреев.



Всего по данным Алимид только за четыре года, с 1940 по 1944, в Гестапо и французскую полицию было отправлено колоссальное число доносов: от трёх до пяти миллионов. Начинаются они в одном формате, примерно так: «Я, такая-то, потомственная арийка, проживающая на бульваре Рошешу-

ар, 3; считаю своим долгом истинной француженки довести до сведения властей, что настоящая фамилия хозяйки аптеки на углу бульвара Рошешуар с бульваром Мажанта не Дюпре, а Зильберштейн. Спешу уведомить, что она – грязная жидовка, мечтающая извести своим пойлом не только нас, законопослушных французов, но и доблестных германских союзников».

Читаешь и оторопь берёт от того, что на свете так много сволочей, как быстро и в каком количестве эти клопы вылезают из своих гнездилищ.

Этот арийский «патриотический долг» несколько поднимал французов в глазах немцев, но опускал в глазах соотечественников, у которых естественный иммунитет против всеобъемлющего одурманивания всё ещё продолжал оставаться. Впрочем, не будем опрометчиво бросать камни, поскольку по числу стукачей на душу населения Советский Союз стоял на втором месте после Германской Демократической Республики, где половина населения стучала на оставшуюся половину. А уж в ГДР система замкнулась, ибо истинные арийцы строчили на истинных арийцев.

Воистину, сбылась поначалу казавшаяся полной бредятиной мечта Маяковского, «чтоб к штыку приравняли перо». Таки прислушались к великому пролетарскому поэту и решили приравнять. В СССР донос стал равносильен расстрелу, во Франции – высылке и смерти в концлагере. К этому даже как-то привыкли без обсуждений. Настолько, что та-

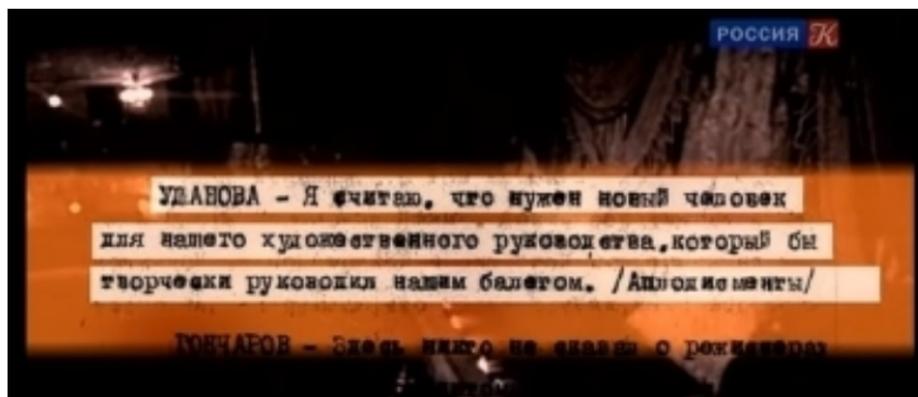
бу в средствах массовой информации продержалось полвека. Что же касается нашей прекрасной страны, то стоит почитать книгу Ф. – К. Нерара «Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941)». Тут и стукачка с бульвара Рошешуар покажется невинной резвущкой. Достаточно привести беспомощные слова песни небезызвестного приспособленца Сергея Михалкова, которые он поспешил посвятить всесоюзному предателю Павлику Морозову:

*Был с врагом в борьбе Морозов Павел,
И других бороться с ним учил.
Перед всей деревней выступая,
Своего отца разоблачил.*

На полном серьёзе говорилось об «ударниках осведомительского труда». Только посмотреть на клички анонимных доносчиков: «Ухо», «Свой», «Знающий», «Наблюдающий», «Зоркий», «Подзорная труба». А если и появлялось настоящее имя, то концовка становилась истерически-приказной: «Примите активнейшие меры по обезопасению меня!». С намёком, что если вдруг не «обезопасеют», то и на них найдётся управа. Некая «труба» из Киева накатала доносы на 300 человек. Семейство Артёмовых направило в «органы» донесения на 171 человека. При этом слово «донос» было запрещено, его разрешалось употреблять только в отрицательном контексте. Вместо него полагалось пользоваться слова-

ми «сигнал» или попросту «жалоба». Сама власть тем самым оставалась незапятнанной без особых усилий.

Почему-то принимается за данное, и напрасно, что если человек талантлив и непревзойдён в какой-то области, то это гарантирует его высокие моральные качества. Вовсе нет. Не говоря уж о Маяковском, прекрасным примером является не больше и не меньше как Галина Сергеевна Уланова, которую иначе как богиней и величать не положено. В 1934 году богиня подвела обвинительную черту на заседании Художественного совета Ленинградского (ещё не Кировского) театра оперы и балета, где шельмовали Агриппину Ваганову, которая взрастила, выучила и сделала Уланову балетной звездой. Всё по Булгакову. Рукописи не горят. Не сторега и эта машинописная страница из протокола собрания:



Такой, по тем временам наповал убийственной, фразы

оказалось достаточно, чтобы под аплодисменты бывших учениц и друзей Ваганова, балетмейстер с мировым именем и благодетельница самой Галины Сергеевны, надолго оказалась выброшенной за театральный борт. Видите ли, художественного творчества ей не хватало. Его вполне хватило не только на то, чтобы стать мировой величиной, но, к сожалению и на то, чтобы взлелеять советскую змею на пуантах – Уланову. Поразительно, что Агриппине Яковлевне удалось уберечься от Большого Дома – ленинградской Лубянки, благо время было ещё сравнительно вегетарианским: коротышке Кирову оставалось жить ещё два года. В Кремле вождь и учитель потихоньку начинал точить на него когти. Критика на собрании пока ещё не гарантировала арест. Распоясались чуть позже.

Возвращаясь к Франции, мне страсть как захотелось побеседовать с «истинной арийкой» или, на крайний случай, с её потомством, благо под текстом имелась подпись. Казалось, что это было легко сделать, поскольку я обычно останавливался всего-то в двух кварталах от пересечения указанных бульваров в незамысловатом отеле «Режан». Но встреча не получилась, поскольку в книге Андрэ Алими не оказалось номера квартиры. Консьержка тех времён давно умерла. Попытался искать и жертву – мадам Дюпре, еврейскую отравительницу, но её аптеку уже полвека как закрыли. Упрятали подальше от арийцев, чтобы не напитала послушливые пилюли злым ядом. В этом подъезде теперь тряпичная комис-

сионка, по три и пять евро за рубашку с чужого плеча, часто прямо с плеча покойника.

При слове «культура» министр народного просвещения и пропаганды Геббельс – как-никак доктор философских наук с дипломами двух университетов – не хватался за револьвер. Знаменитую фразу приписывают его товарищам по партии, то ли Герингу, то ли Гиммлеру, которые за оружие положительно хватались. На самом деле такое заявление впервые появилось в пьесе нацистского драматурга Ханса Йоста. Оттуда её мог заимствовать кто попало, без ссылки на первоисточник.

Но просвещение, так просвещение – для целей ненасильственного насаждения национал-социализма среди представителей среднего класса доктору Геббельсу хотелось облечь эту идею не больше и не меньше как в проявления европейской культуры. Эта подоплёка и спасла французские, бельгийские и голландские музеи от массового разграбления. Во-все не арийство мадам, проживавшей на перекрёстке бульваров.

Немцы минимально вмешивались в артистическую жизнь Парижа, несмотря на то, что работы выставившихся художников в самой Германии продавали за бесценок или просто показательно сжигали как дегенеративное искусство. Но выставить работы можно было только после письменного заявления: «Я, такой-то, француз, а не еврей». Многие шли дальше, обвиняя евреев – Писарро, Шагала, Сутина и «жи-

до-марксистского декадента» Пикассо – в разлагающем влиянии на истинно французское искусство.

Становилось ясно, кто есть кто. Матисс об евреях открыто не говорил, но с раздражением отмежёвывался от «космополитов, наводнивших Францию». Так что вовсе не Сталин придумал и преследовал «безродных космополитов», подразумевая, конечно, евреев. Их, безродных, в такой именно терминологии до него сочинили «прогрессивные» с точки зрения СССР французские художники. С Геббельсом и Герингом, «покровителями искусств», напрямую общались Вламинк, Дерэн и полдюжины других. Из-за этого после освобождения Франции Вламинк был обвинён в коллаборационизме и арестован.

Никто не покушался на законодательниц мод. Габриэль Шанель продолжала нежиться в роскошном отеле «Ритц» на площади Вандом, где проводила время со своим немецким любовником, красавцем Гансом фон Динклагге. На рю Камбон (за пол-квартала от служебного входа в тот же отель) возвращалась только когда собиралась кроить платья для новой коллекции. Вот один из её мемов того времени: «Мода – это то, что выходит из моды». Кроила без рисунков и лекал, прямо на манекенщицах. По этим платьям потом делали выкройки по 2–3 варианта на размер. Иногда там же устраивала рауты. Кстати будет сказано, дама была не только талантлива, но и изворотлива. Когда, уже после войны её обвинили в сотрудничестве с оккупантами и собирались судить за колла-

борационизм, она поступила как капитан корабля, который без сомнений сбрасывает в море любой ценности груз, чтобы только спастись во время бури. А именно широко анонсировала в газетах бесплатную раздачу духов Шанель № 5 американским солдатам, по флакону на военнослужащего. Вернуться домой с таким французским подарком было для них мечтой, особенно для солдат – негров. В США эти духи, ещё из довоенных остатков, стоили громадные деньги. Выстроилась очередь в полторы тысячи человек. И американская администрация заступилась за хваткую модельершу, которая тут же укрылась в Швейцарии.

Сейчас в очередях около бутиков Шанель, на той же рю Камбон, как оголтелые, мечутся «азиатки» – японские, южнокорейские и китайские туристки, отнюдь не рассчитывая на бесплатный № 5 и залезая в долги дома. Распорядительница тотчас же вычислила меня как ненадёжного покупателя, стала бюстом отеснять к двери и громко объявила по-английски:

– Мсьё, вам здесь нечего покупать.

Японки решили, что она объявляет о скидках, стали прислушиваться и обступили нас. Я, обращаясь к ним, громко объявил; тоже по-английски:

– Мадам права. Здесь никому нечего покупать. Весь этот кошмар, – я обвёл вокруг руками, – это старьё сорокалетней давности. Избавляйтесь от затаренного. Мне стыдно за беднягу Шанель. Она бы вас мигом вышвырнула на улицу.

Впрочем, и на панели вам нечего делать. Фигура не та. Не мешает похудеть

И, протолкнувшись через толпу, вышел из магазина. Оглянулся и увидел, что часть публики потянулась за мной, а на заднем плане жестикулировала разъярённая администраторша. Неплохой финал.



Как бы там ни было, в целом немецкие захватчики щадили французское самолюбие и даже в оккупированной зоне предпочитали не действовать прямо. Кроме того, дорваться до культурных сокровищ мечталось сразу стольким конкурирующим претендентам, что равнодействующая оказалась равна нулю. Единственным случаем прямой претензии на музейный шедевр из Лувра была записка министра ино-

странных дел фон Риббентропа с требованием выдать ему «Купальщицу» Буше. Как видно, по части нагой природы при- страстия пятидесятилетнего сподвижника Гитлера мало чем отличались от нижних чинов. Из ответных депеш ясно, что дирекция Лувра прямо не отказала, а попросила уточнить какую именно «Купальщицу», поскольку Буше их изобразил с полдюжины на холстах, в архитектурных нишах и даже на дверях. Кроме того, сделали вид, что речь идёт об обмене картины на равноценную из немецких собраний. Тут компетенция министра оказалась не на высоте и дело заглохло.



Вначале, направляясь в Архивы, я предполагал, что, роюсь в переписке, найду такую нервную, стрессовую тематику: «Отдайте картину!» – «Не отдадим!». Ничего подобного, никаких выкручиваний рук. В папках подшиты вежливые письма и вежливые ответы на них по поводу забот сугубо приземлённых: уголь и дрова на отопление отдалённых провинциальных хранилищ, просьбы выделить грузовики и такелажников для транспортировки вещей или утихомирить эсэсовцев, которые решили разместиться в папских покоях

замка Фонтенбло и уже повредили уникальную мебель. Все эти пожелания неизменно удовлетворялись германской администрацией; в папках не нашлось ни единого отказа.

Таким образом можно подумать, что экспроприации экспроприированного не произошло. Но неужели оккупанты оказались ни с чем? Вовсе нет. Оставалась масса еврейских культурных ценностей, на которые никакие охранные грамоты не распространялись. Живопись, скульптура, антиквариат, нумизматика, филателия, принадлежавшие уехавшим вовремя евреям или отобранные при аресте, рассматривались как немецкая госсобственность и подлежали вывозу в Германию. Но тевтонская тщательность – не русский набег с шашками. Оценка ценностей проводилась не выдвигенцами из малограмотных деревенских и не красной профессурой, а опытными антикварами и искусствоведами. Прежде чем отправить картины, их следовало измерить, сфотографировать, подтвердить провенанс, степень сохранности, а при повреждениях произвести неотложную реставрацию. Только после окончательного атрибуирования и упаковки вещи погружали в специальные железнодорожные составы и направляли в заранее определённые и подготовленные для этой цели хранилища, в основном в Южной Германии. Для этого в горных местностях были вырыты обширные подземные туннели, снабжённые мощной системой кондиционирования.

Одна беда: для проведения всей предварительной экспертизы требовались серьёзные специалисты, помещения и вре-

мя. Помещение нашлось – свободные от экспонатов пространства Лувра и бывшие апартаменты Наполеона 111 в крыле, выходящем на рю Риволи. Время, казалось, тоже не прижимало, а вот немецких музейщиков и искусствоведов оказалось недостаточно. Они по недосмотру были мобилизованы в армию, а награбленное тем временем товарными поездами везли практически со всей Европы. Поэтому, после недолгих колебаний, к работе были привлечены оказавшиеся безработными французы.

И тут действие разветвляется. Естественно, для местных специалистов пришлось обеспечить хоть и минимальный, но доступ к документации. Они же, как могли, постарались этим воспользоваться в полной мере: следили за перемещением предметов живописи, скульптуры и антиквариата, с риском попасть в чёрные списки, вели записи и расшифровывали адреса, по которым эти ценности отправлялись. Позже всё это позволило быстро обнаружить местонахождение вещей и вернуть их из Германии. Таких героев и героинь было немало, прежде всего в Зале для игры в мяч, обширном помещении поблизости от Версальского дворца, где когда-то состоялось первое открытое выступление третьего сословия против короля, в самом начале Великой Французской Революции. Немцы превратили этот мемориальный зал в громадный перевалочный пункт конфискованных предметов.

С другой стороны, в так называемой «Свободной зоне» – неоккупированной территории Франции – правительство

Виши издало закон о лишении французского гражданства евреев, которые сумели эмигрировать, в основном в США и Латинскую Америку. Это был не просто акт антисемитизма, не мстительное репрессивное законодательство без конкретной цели: вы удрали, так мы вам вдогонку всё-таки напакостим с личными документами, сделаем лицами без гражданства. Нет, цель была в том, чтобы новые правила в качестве юридического обоснования позволили конфисковывать собственность беглецов, в частности их банковские счета и богатейшие коллекции.

Что же касается оставшихся евреев, всё ещё обладавших собственностью, то тут произошла странная вещь. Правительственные чиновники Виши настойчиво советовали им оформлять как бы фиктивные дарственные на имя Французского Государства. В дальнейшем это позволяло бы рассматривать спорные вещи как собственность общественную и, следовательно, не подлежащую вывозу в нацистскую Германию. Таким образом действительно удалось укрыть от конфискации уникальные произведения искусства, среди них полотна Рембрандта, Ренуара и Дега, принадлежавшие семье Ротшильдов. Казалось бы, какой благородный жест государства и понимание патриотов-администраторов, которые, как могли, с полным сочувствием вошли в положение отторгнутого меньшинства. В целом, таким и иными способами в распоряжении Управления национальных музеев оказалось громадное число – не меньше сорока тысяч единиц хранения

– первоклассных вещей.

Только через много лет стало очевидно, что эта миссия лишь на поверхности была тонко продумана, красива и полна достойного благородства. Конечно, со временем Рембрандт, Ренуар и Дега вернулись в свои особняки: с банкирами Робером и Морисом Ротшильдами особенно не поспоришь. Приплыли, репатриировались голубчики из США и прилипшее к нечестным рукам пришлось вернуть, хотя к нему было так приятно привыкнуть. Спросили, что думает по этому поводу директор Лувра. Тот дал жесткое и раздражённое интервью. Распаялся, провозгласил, что без этих картин коллекции французских музеев не могут считаться полными. Считай, что братья-банкиры обязаны были их тотчас же ему собственноручно подарить. Однако не прошло, не принесли на оставшемся после погрома антикварном блюде. Нахрапистый тон не помог.

Но с сошкой помельче можно было быть посуровее, особенно не церемониться. И Управление национальных музеев повело себя так же нагло, как и швейцарские банки с еврейским счетами, то есть засекретило списки и соглашалось сообщать о наличии картины, скульптуры или антиквариата только при предъявлении документа, удостоверяющего собственность. Естественно, оставшиеся в живых наследники могли и не знать, куда исчезли произведения искусства, а если и знали, то не всегда сходу могли подтвердить свои права дарственными или купчими. И это при том, что Управление

музеями располагало всеми материалами о происхождении вещей, то есть, прежде всего, о том, из каких коллекций они были изъяты, когда и кем реквизированы и где находятся. Но это была уже тайна искусствоведческих тайн.

О самом существовании таких архивов стало известно только в конце 90-х годов прошлого века. Когда одному прыткому репортёру обманным путём удалось проникнуть с видеокамерой в это хранилище, оказалось, что архивы вовсе не предназначались для рассекречивания. Навеки секретно, как принято в России. Выявлять законных владельцев тоже никто особенно не собирался. Администрация так долго занималась беспардонным враньём, что сама поверила в отсутствие документов и забыла, где они находились. Разодранные папки с важной юридической документацией просто-напросто валялись в пыли на полу. Они вообще ни для чего не предназначались, и уж меньше всего чтобы попасть в ухоженный мезонин павильона Сюлли, а затем в распоряжение наследников. Это в том павильоне, где я читал про уголь, про подводы, про крысиный яд. Впрочем, крысиный яд, кажется, сгодился, иначе и папок бы не осталось.

Таким образом, через 65 лет после окончания войны, в Лувре ещё оставалось около двух тысяч так называемых «невостребованных» единиц хранения. Циничная отговорка – «невостребованные», поскольку востребование не поощрялось, хозяев отваживали, как могли, отпирались от наличия какой-либо информации. Остальное частично вернули,

частично прибрали к рукам через необъявленные, управляемые вручную аукционы. Хамство дошло до того, что некоторые вещи не постеснялись поместить в открытые экспозиции, например, в музее Орсэ. На требования наследников дирекция повторяла, что без этих вещей государственные коллекции, видите ли, неполны – и точка! Если подумать, то у меня, может быть, тоже карман не полный, но это не значит, что я полезу в чужой, да ещё открыто начну хвастаться украденным.

В конце концов, после публикации в газете «Монд» и волны негодования в прессе была создана специальная комиссия по реституции. Администрация неохотно, чиня всяческие препятствия, сквозь зубы стала отвечать на вопросы. Чуть позже, под нарастающим общественным давлением были опубликованы списки вещей и даже началось активное выявление законных наследников. Повторялась та же история, что и со швейцарскими банками, уличёнными в присвоении еврейских активов и процентов с них немного и немало как за пятьдесят лет. Всё под оскорбительным предлогом соблюдения банковской тайны. Хороша банковская тайна, когда для самих вкладчиков она тайна, а банк полвека прокручивает деньги и обогащается.

Дальше – больше. Англичане правильно говорят, что старые грехи отбрасывают длинные тени. Американская исследовательница Э. Карлсгод не клюнула на сладкие речи про «спасателей», не поленилась порыться в документах и выяс-

нила, что на самом деле колаборационистское правительство Виши вместе с Управлением музеев сознательно спланировало всю операцию с «фиктивными» актами дарения. Это был массовый захват еврейской собственности в пользу национальных музеев. Уже после войны те акты «добровольной» передачи вещей государству вдруг перестали рассматриваться как заведомо фиктивные. Их начали трактовать как договоры добровольного пожертвования, оформленные законным образом. Эти дарственные с улыбочкой предъявляли законным хозяевам, когда те пытались получить свою собственность обратно.

Проходило же это под благовидным предлогом «спасения произведений искусства и цивилизаторской миссии Франции в условиях оккупации». Если хорошо подумать, то постоянное выпячивание этой «цивилизаторской» миссии где-то переходит в спесивое арийство, только не антропологического, а культурного колорита. Мы, мол, самые образованные, самые продвинутые в изящных искусствах, и нам кто только не должен. Ведь одно дело, когда в затрапезной гостинице растрёпанная дурёха-хозяйка говорит вам, что французам, вообще-то не нужно мыться, потому что они и так чистые. Вы посмеётесь, да и только, а она обозлится и чуть не переломит себе шею, споткнувшись на засаленном полу. Его тоже мыть не обязательно. Он сам по себе чистый потому что-французский. И совсем другое дело, когда целое государство самоназначается светочем культуры в ущерб своим

же гражданам. Особенно тем, кто в данный момент политически менее защищён или преследуется.

Таким способом принадлежавшее евреям искусство со всей тщательностью, оперевшись рогами, спасали от самих евреев. Характерно, что в большинстве французских публикаций, посвящённых перемещённым ценностям, работа Карлсгод упорно замалчивается. Не по нраву. Не по шерстке. Какая-то американка, безродная космополитка лезет не в своё дело. Какие могут быть сомнения в цивилизаторской миссии великой Франции, блюстительницы культурной моды? Будь эта американка француженкой, точно объявили бы предательницей национальных интересов.

Чтобы исправить положение, культивировались агрессивные, ура-патриотические статейки, трескотня, пропагандирующая «героев», которые в подвалах Лувра укрыли от неприятеля несметные сокровища. Укрыть-то укрыли, но так добротнo и надёжно, что спустя полвека после войны никому не показывали и отдавать не собирались, а информацию приходилось выдавливать по каплям. Оно и понятно: одолженные вещи надёжно пристали к рукам.

Кампания по реституции, в свою очередь, заставила начать пересмотр роли уже канонизированных патриотов Сопротивления в области культуры, которым до этого посвящали стихи, которым аплодировали, подле которых ахали и охали, которых засыпали орденами Почётного легиона. К детишкам на школьные праздники этих дедушек и бабушек

привозили в инвалидных колясках, а они, шамкая и едва управляясь с челюстями, любили рассказывать о своих музейных подвигах. И вдруг этих святительников и подвижников из Виши неприятно высветил некий мощный прожектор. Вот тут-то бывшее геройство нежданно-негаданно обернулось более чем сомнительным поведением. Славный легиончик.

Впрочем, такая передряга не впервой, ни во Франции, ни в остальном мире. Так, к примеру, диаметрально сместились оценки в современной России в случае с Александром Невским. Между прочим, добавка «Невский» дана вовсе не по битве при Неве, а по месту владений. Странно читать, но, оказывается, князь этот был, ох, очень не прост. Он был причиной русских междоусобиц, творимых монгольским оружием, просто-напросто татарский прихвостень. Не из всех летописей удалось вытравить указание, что приказывал отрезать носы и выкалывать глаза новгородцам, которые не хотели подчиняться Батыю. Кстати, хорошо известно, что хан официально определил его своим приёмным сыном; владелью льстило, что Александр прекрасно говорит по-татарски. Усыновление – наивысшее ордынское отличие, для которого, кроме прочих церемоний требовалось брататься. Это вам не просто обняться покрепче, пришлось пить кумыс, в котором его кровь была смешана с кровью родного сына хана. А побратавшись с татаринном, надо было проявить лояльность. Потому, возвратясь в княжество, будущий святой отблагодарил нового родственника, послав донос в Орду на

своего же младшего брата Андрея. В политических картишках не до братишек. Для Орды это было удобным предложением опустошить Переяславль и взять Андрея Ярославича в плен.

Незадолго перед смертью Невский внезапно утихомирился, постригся в монахи, приняв схиму под именем Алексия. Присвоение нового имени в психологическом плане означает обновление, очищение, освобождение от прежних пут, а в религиозном контексте – от козней лукавого. Хотелось бы думать, что, наконец, осознал сколь тяжки были прегрешения. Может и осознал, кто знает? Чужая душа – потёмки. Но поздно. Не спасли ни схима, ни новое прозвище, ибо, в конце концов, отравой-то его извели уже в виде Алексия. Должно быть, долго ждали, когда можно будет дотянуться. Кто отравил так и не выяснилось, да никто и не собирался выяснять. Тот редкий случай, когда умерщвление князя оказалось выгодным всем, хотя и по совершенно перпендикулярным причинам. И приёмному батюшке Батью, и новоиспечённому ордынскому братцу, и русским оппонентам хана вкуче с Александром Ярославичем. Да и как было не возрадоваться, в особенности новгородцам, которые не забыли обид и притеснений.

Вот вам и святой-пресвятой, защитник Руси от супостата, чуть ли не Георгий-Победоносец. Только взглянуть на снимок, где анонсируется фильм «Александр Невский», на этот аляповатый плакат с неверным рисунком. Правая нога князя в стремени оказалась слева, а левая неизвестно где.

Диагональная композиция сильно напоминает знаменитую суриковскую картину с боярыней Морозовой в розвальнях, которые стремительно уносят диссидентку в ссылку. А для сходства с Георгием-драконоборцем афише не хватает разве что поверженного чудовища. При ближайшем рассмотрении змий-дракон, похоже, увернулся и свалился в пропасть. Конь, дико сверкая очами наподобие поп-певца Филиппа Киркорова, вот-вот должен ухнуть в тартарары.

Я бы не стал разбираться с этим беспомощным плакатом, если бы он поразительным образом не был карикатурно эквивалентен самой кинокартине. Под таким соусом Пётр Андреевич Павленко с Сергеем Михайловичем Эйзенштейном и препарировали нового святого на потребу диктатору и доверчивому советскому народонаселению, которое всё съест и не поперхнётся.

СМОТРИТЕ НА ЭКРАНАХ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Сценарий В. ЗАВЯЛИН,
С. ИВАНЧЕНКО,
Постановка Сергея ИВАНЧЕНКО,
Д. ВАСИЛЬЕВА
Г.А. музыка Э. ТИСС
Мультипликация С. БРОНФИЛЬД
Танцы и балет В. ЛЮТОВИЧ
Художник В. ГОРБАЧЕВ
Звукооператор В. БОГДАНОВИЧ

РОЛИ ИСПОЛНИЛИ:

И. ЧЕРКАСОВ, В. БЕЛОУЗОВ, Э. АБРАМОВ,
Д. ДРАГОС, А. ИВАНОВ, В. ЕЩИН, К. АРСИН,
А. НАСЛЕДКИНА, Ф. КАЩЕВА, С. ДАНИЛОВА,
С. БОНЧАРОВ, В. ЛАГУТИН, Д. ФОНС,
И. РОЗЕН

Съемочная группа Ленинского комсомола, «ЛЕНФИЛЬМ» 1968 г.
Выпуск 1 (полноэкранный)



Р

После этой информации у иного читателя от негодования в худшем случае может случиться инфаркт миокарда, а в лучшем – нехватка воздуха и нарушения сердечного ритма. Я проделал эксперимент с читкой вслух и симптоматика подтвердилась. Если этот читатель опомнился, то сейчас ему (ей) явно неёмётся поднять хай и ещё раз вспомнить про известный фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», где «всё правильно», «всё как было». Хорошо, что я нынче в Южном полушарии, поэтому весь этот ор по поводу возводимой напраслины вряд ли до меня дойдёт. Нет у меня желания выслушивать излияния ненависти. Сыт по горло. Но вот незадача: тому ревнителю официальных интерпретаций придётся прополоскать рот от пены и схватиться за валокордин с нитроглицерином, ибо я добавлю, что эта кинокартина про благостного князя – не более чем примитивная агитационная подкрутка для фронта и тыла. И фронт, и тыл как реальность уже просматривались в конце тридцатых, начале сороковых годов, когда советским вождям не терпелось развязать войну. Именно тогда возникла острая необходимость в патриотических рассказах, высокохудожественная ложь по заказу и на потребу идеологических отделов тоталитарного государства.

Сценарий было предложено написать идеологически выверенному, теперь полузабытому Петру Павленко, который был приставлен надсмотрщиком-комиссаром при Сер-

гее Эйзенштейне. Того это вполне устраивало. Совокупная ложь про боестолкновения с рыцарями, которых не было (ни рыцарей, ни столкновений), про подвиги Невского была настолько наглой, что историки за голову хватались по выходе фильма на экран. Так же, как в своё время живые свидетели событий тех лет ругались матом после просмотра ленты «Ленин в Октябре» Михаила Ромма. Но, несмотря на враньё, обе агитки в креативной обёртке сработали как надо. Зрителю удалось вдолбить, что это-то и есть историческая правда. Стыд глаза не выест. А теперь запрограммированная публика попытается вдолбить мне про героического князя и рывкает с перекошенной пастью. Такие найдутся, уже встречал.

Что же касается личностного стержня самого режиссёра, то цепляясь одна за другую, такие штучки не могли не привести к творческому распаду. Колёсики зацепляются за колёсики, те задевают рычажок, тот соскальзывает и вдруг всё становится необратимым. Сколько верёвочке не виться... В самом деле, ко второй части фильма «Иван Грозный» рычажок у талантливого от природы Эйзенштейна сдвинулся не туда. И уже навсегда. Режиссёр прогнулся в перегиб, пошёл на профессиональную панель, отмаливая у Сталина место под скудным барачным солнцем. Если говорить о внешних моментах, то касалось это двух болевых точек. Первая – по паспорту тогдашнего образца одна из точек в действительности была не первой, а пятой, знаменитым «Пятым пунктом», то есть графой национальности, которая под этим номером

стояла в главном документе. А у режиссёра там значилось еврейство. В антисемитской стране надо было выживать. Вторая же, не менее чувствительная точка определялась статусом Эйзенштейна как известного, но неприкасаемого гея. Неприкасаемость эта была эфемерной, «прикоснуться» могли в любое время, чаще – ночью. И другим знаменитостям с тем же анамнезом пришлось ещё хуже, как например певцу Вадиму Козину. Того укатали в Магадан, несмотря на то, что бывало путешествовал со Сталиным в Тегеран услаждать романсами вождя и союзников по коалиции Черчилля и Рузвельта. Сергею Михайловичу Эйзенштейну тщательно подшивали на живую нитку двух жен, но косметика имиджа не удалась. Как говорили, маэстро был женат дважды, и оба раза неудачно: одна жена ушла, вторая – нет.

Так что Франция никакое вовсе не исключение. И евреи тоже. Поскольку я человек нейтральный, «двух станов не боец, а только гость случайный», могу долго перечислять неожиданные, травматичные и скандальные примеры пересмотра казалось бы навсегда устоявшихся оценок. Особенно это относится к русской истории, которую любят перелицовывать. Каждый старается, как может. Вот ещё два примера, навскидку.

В пятнадцатом веке всю Москву всколыхнула молва, что небезызвестный Василий Блаженный ни с того, ни с сего порушил иконы в старинной церкви на Варварке, поблизости от Кремля, за теперешним ГУМом. Его сумасбродные, а по-

рой и дикие выходки были предметом пересудов в столице. Дурачества эти официально не очень одобряли, но и не осуждали. Хотя и скривившись, церковные владыки делали вид, что ничего не происходит.

Эдакий современный Жириновский, если кто знал такого психопатизированного персонажа. В отличие от феномена Жириновского, на которого можно было просто цыкнуть сверху и он затыкался, даже бесноватый царь Иван побаивался трогать не в меру речистого сапожника с Красной площади, он же юродивый Христа ради. Но уж такой явный дебош, такое религиозное бесчинство как поломать и затоптать сапогами чтимые, намоленные веками иконы, зашкалило за дозволенное, и Василию не избежать бы битья. Когда взбешённый клир вместе с паствой приступили к нему, он возопил, паясничая: «А вы их поскребите, иконы-то эти, ну-ка поскребите!». Под руку попался образ Богоматери Одигитрии. Когда с опаской поскребли уже изуродованный живописный слой, ревнителям веры и вправду было отчего остолбенеть. Под ликом открылась дьявольская рожа, благословляющая левой лягушачьей лапкой вместо перстов. Чёртова обманка, двоезор, осквернённая, окаянная икона, хотя и привезённая некогда из центра православного мира, града Константинополя. Получалось, что под видом пресвятой де-вы Марии в этой церкви многие лета истово молились дьяволу, кадили окаянному, возжигали ему свечи.

Так и со многими героями. Осыпали похвалами, награ-

мождали портреты, угождали премиями, хоронили в серебряных гробах, строили мавзолеи, боготворили, вписывали в школьные учебники. А как только поскребли, так и оторопели, и не только православные. Как говорят в англоязычных странах, – от любимца до проходимца.

Не меньше население оторопело и пять веков спустя, когда Хрущёв развенчивал Сталина на XX съезде компартии. Народное творчество мгновенно откликается на знаковые события. Тут же появилась и частушка:

*Удивили всю Европу,
Показали красоту.
Тридцать лет лизали жопу.
Оказалось – не ту.*

Позже оказалось, что взахлёб лизать не ту жопу – это не отдельно взятая затянувшаяся оплошность, затуманенность мозгов, полнодурие, а непреходящая российская потребность демонстрировать «всей Европе», злему Западу свою политическую красоту. Что скажешь, так уж повелось: грустят по очередной заднице. И, разумеется, её получают. Как выясняется из истории с экспонатами Лувра, в Европе это тоже случается. Кого ставят, того и славят. Кто добирается по «лестнице» до небес, а кого черти изымают из толпы и крюками тащат в ад. Успокаивает то, что большинство до рая всё-таки добирается.

5. Большой театр

В юности мне повезло с Большим театром. Поскольку отец раздобыл для меня общежитие только в конце первого курса, квартировал я у академика Сажина. Его сестра была учительницей биологии в Чите. Она и договорилась с академиком, чтобы меня временно приютить у них в Проточном переулке. Переулок этот спускается от Смоленского бульвара к набережной Москва-реки. Если пользоваться современными ориентирами, то дом располагался внутри квартала, напротив нынешнего входа в британское консульство.

Все развалюхи вокруг давно снесли, но тогда ещё ощущался вольный блатной дух послевоенных лет: пошаливала шпана, драки кончались поножовщиной. Вспоминаю, как вышедшая в тираж шалава под «бормотуху» вспоминала про щедрых клиентов, напевая на мотив «Кирпичиков»:

Глазки вспыхнули, как бутончики,

И подумала вмиг егоза:

У директора есть червончики,

У меня – голубые глаза...

(«Голубые глаза» на жаргоне той поры были синонимом привлекательного бюста)

Жена Сажина, Елена Алексеевна Скрябина была род-

ственницей композитора. Николай Петрович, главный специалист страны по технологии редких и рассеянных элементов, был человек сверхсекретный и занятой. Теперь я понимаю, что он занимался сплавами для космической аппаратуры и полупроводниковыми материалами, в основном сверхчистым германием. А поэтому Елена Алексеевна нашла во мне благодарного спутника для выходов в театр. По академической книжке полагалась бронь на один спектакль в неделю.

В балете и в музыке вообще я ничего не понимал. К счастью постепенно сложились условия чуть-чуть во всём этом разобраться. Спектакли в Большом, как и сейчас, начинались в семь вечера. В пять мы выходили из дома, пересекали Смоленский бульвар и шли по Арбату до Большого Никола-Песковского переулка, где был и есть музей композитора Скрябина. Там ещё проживали какие-то его маловыразительные родственники и родственницы, сейчас я не припомню кто именно. Одну из них звали Лялей. По дороге Елена Алексеевна рассказывала мне про композитора-первооткрывателя цветомузыки. Гениальный был человек. Сейчас бы к новым технологиям да его талант. Её не переставало поражать, насколько точно Скрябин предвидел свою смерть: окончательно рассчитался за квартиру вперёд по конец апреля, новую квартиру не искал и умер 27 числа. Мандельштам считал эту смерть последним и самым замечательным творческим актом композитора. Похожее завершение жизни и у Моцарта: он закончил свой «Реквием» за месяц до смерти.

От неё я впервые узнавал содержание балетов, на который мы ходили, этакое либретто в устной форме. В музее Елена Алексеевна находила ноты и на историческом рояле («Инструмент без игры перестаёт звучать») проигрывала основные мелодии и объясняла сюжетные ходы к ним. Это была как бы импровизированная сюита. Любила повторять, что балет – это музыка, которую мы видим. Но лучше, если мы предварительно её услышим. А дальше, с основными темами и музыкальными отрывками, звучащими в голове, уже на метро по Смоленской линии мы добирались до театра. Так я пересмотрел весь репертуар и большинство спектаклей не по одному разу со всеми звёздами второй половины прошлого века. Не больше и не меньше, как с Улановой и Плисецкой и даже с обеими одновременно в «Бахчисарайском фонтане».

Позже, уже живя в общежитии, мне время от времени удавалось пользоваться бронью. Но только до того момента, когда однажды утром Николай Петрович открыл окно и выбросился с пятого этажа на бетонированный двор дома на Комсомольском проспекте. Хотя его никто никогда не репрессировал, после тридцать седьмого года постоянный, липкий страх ареста у него никогда не проходил. Время от времени от него можно было услышать вполголоса: «Скоро сноват начнут сажать».

Тем утром Елена Алексеевна спустилась на первый этаж за газетой, дверь захлопнула, но забыла взять ключ. Когда вернулась, подумала, что муж в дальней комнате и решила

постучать сильнее. А Николай Петрович стоял с другой стороны двери. Тут-то он и решил, что жену уже взяли внизу и барабанят, чтобы забрать и его. Испуг, ужас – вот оно! – был так велик, что он бросился в дальнюю комнату, в один момент настезь распахнул окно, которое из-за какой-то неполадки ни разу не открывалось со времени ввода дома в эксплуатацию. Так академик в свободном полёте и спасся от ЧК, ГПУ, НКВД, ии КГБ вместе взятых. Отбоялся. На Новодевичье кладбище «кожаные куртки» за ним не придут. Правда, какое-то время их ещё будут подвозить на покой.

Если кто-нибудь из тех, кто прочтёт только что написанное, сподобится погулять по этому кладбищу в Москве, у меня нижайшая просьба. В центральной части, где выставляют гроб для прощания, по левую сторону стоит памятник Николаю Петровичу Сажину. А в цоколь этого памятника с левой стороны вцементирована мраморная дощечка с именем Елены Алексеевны Скрябиной. Мне нынче туда из заморских стран добираться далековато. Положите от меня цветы. Царствие им небесное, а нам поминки.

(На факультете партийная гадина сказала мне:

– А он подумал о том, что будет говорить об этом «Голос Америки»?)

Я ей бросил:

– Явно подумал. Иначе бы не выбросился.)

Безбалетный театральный период длился у меня больше

двадцати лет, когда, наконец, стало невмоготу. Но к тому времени академической книжечки с бронью уже не существовало и надо было как-то выкручиваться. Я решил просто поехать в Большой и выпросить билет. Вошёл в центральный подъезд и откуда-то из зашторенных глубин сразу возникла капельдинерша. У них там такой помпезный вид, будто они не капельдинерши, а девственные весталки при храме. Разве что весталкам не положено иметь животов.

Откуда-то издали слышалась музыка и вокализы. Я сказал, что вот – кровь из носа – мне нужна пара билетов в балет. Весталка оказалась любезной и говорливой. Порекомендовала поклянчить в дирекции, у Нины Дмитриевны, «которая всё может». Посетовала, что нельзя пропустить меня прямо в дирекцию через весь театр, поскольку в Бетховенском зале идёт спевка, а в Большом зале – репетиция «Хованщины».

Я направился на Петровку, где есть два боковых действующих входа: тринадцатый, ведущий вниз – для оркестрантов и четырнадцатый – директорский, прямо напротив парадных дверей Мосторга. Навстречу поднялась ещё одна монументальная капельдинерша. На этот раз, при упоминании Нины Дмитриевны и при оценочном взгляде на новенькую шапку из чилийской нутрии, меня с полупоклоном пропустили в небольшое фойе, где располагалась вешалка, а на ней в ряд – роскошные меховые шубы. Нутрии удалось сходу включиться с ними в тональность. Ясно, что визитёры тут были не из

простых.

Это тотчас же подтвердилось тем, что по изящной лестнице чугунного литья с антресольного этажа взяла спуск громоздкая блондинка. Вблизи она оказалась Софьей Головкиной, директрисой хореографического училища при Большом театре, она же Сонька-коммунистка.

Это хуже, чем повстречать бабу с пустым ведром перед началом важного дела. Она и без ведра была редкой стервой, своими лошадиными зубами держалась за власть и этими же зубами вгрызалась в неугодных. Это под её руководством московскую балетную школу едва не уморили.

Презрительное определение «кляча» по отношению к социально беспородным ученицам было самым нежным из её эпитетов. Знаю о чём говорю, несколько раз с ней сталкивался, и даже горжусь тем, что нахамил, назвав её топорной балериной. Боже, как злобно она визжала, какими лубянскими карами только не угрожала, но это уже другой разговор. Однажды Майя Михайловна Плисецкая простенько и надолго ославилась Головкину: «Пируэты и шене она крутила криво, но, как Пизанская башня, не падала». Технически говоря, для этого надо обладать большим мастерством: вращаться под углом не только неэлегантно, но куда сложнее, чем в требуемом вертикальном положении. Патологический момент вращения. Были и другие высказывания в кулуарах: «Из Головкиной балерина, как из собачьего хвоста – сито». В тот момент эта Пизанская башня, слава богу, прошлёпала к сво-

им соболям. Тогда мы ещё не имели несчастья быть знаковыми.

Тем временем я по той же лестнице поднялся наверх в помещение директорской аванложи, обставленной антикварной мебелью, с тёмно-красным штофом по стенам. Надеюсь, что этот импозантный интерьер после капитального ремонта они восстановили. Между тем, искомая Нина Дмитриевна, секретарь директора, курила и беседовала с каким-то важным господином. Мне предложили присесть и я всё выложил насчет потребности снова приобщиться к спектаклям Большого. Говорил много, проникновенно и сбивчиво. Даже поймал себя на выраженном маниакальном поведении. Но, как оказалось, для вящей убедительности такая манера держаться как раз оказалось к месту. Большой театр – тоже театр. А в театрах обычай обняться, поцеловаться, поговорить, потараторить, словом, «красивой пустошью плодиться в разговорах». Поток лишних, ханжеских слов успешно заменяет искренность. Не зря сбор труппы осенью называют Иудиным днём. «Ах, дорогая» – в лицо и с поцелуем. «Чтоб ты сдохла» – про себя. Но это мимоходом.

Человек (который, как я потом выяснил, был худруком оперы) быстро заключил мой дискурс:

– Видите ли, сюда являются и начинают с рассказов про любовь к музыке. Её нужно чем-то подтвердить. Что вам больше нравится, опера или балет?

– Балет.

– Значит, не жалуєте оперу?

Я стал извиваться ужом:

– Ну, не то, чтобы не жалую. Отношусь к ней прохладнее.

– Уже неплохо. Нина, как нам проверить хореографические познания балетомана?

Нина сбросила пепел в пасть фарфоровой лягушки, которая служила пепельницей, и повела себя скромно:

– Это уж вам виднее. Моё дело – препровождать гостей в ложу и гасить склоки.

– Не только. Ещё распределять бронь.

– Тоже правда. Но решать-то вам.

– Не скромничай. Решает тот, кто предлагает решения.

Давай устроим любителю экзамен.

Мне стало худо. Никаких музыкальных познаний у меня нет. Моё дело – смотреть и слушать, как у Нины Дмитриевны – распределять билеты и держать улыбку при появлении именитых посетителей.

Из этого состояния меня вывел вопрос новоявленного экзаменатора:

– Согласны?

Куда мне было деться?

– Что делать? Согласен.

– Тогда так. Я открою вот эту дверь в директорскую ложу.

В зале, прямо под ней идёт оркестровая репетиция. Через двадцать секунд я закрою дверь и вы мне скажете, что это за спектакль.

Поскольку всё происходило на антресолях, провалиться сквозь землю было трудно. Разве что на первый этаж. Я уже был готов отправиться восвояси, но мой экзекутор был готов отворить дверь в зрительный зал. Нужно было как-то выиграть время. Я сказал твёрдо:

– Хорошо, только не надо считать вслух: один, два, три. Это мешает мне сосредоточиться.

– Согласен. Замечу по часам.

Дверь открылась.

В зале играла музыка, которой я никогда в жизни не слышал. А может и слышал, но узнать не мог из-за плохой музыкальной памяти. Тем не менее, я зажмурил глаза и изобразил акустическое внимание. На самом деле у меня разыгрывался синдром паники. Но потом произошло нечто неожиданное, то что Пастернак назвал «нечаянностью впопыхах». В голове произошло какое-то розоватое сгущение. Оно за клубилось, рассосалось и дало нужный результат. Так бывает, когда блефуешь в картах и неожиданно приходит козырная масть. Мне стало очень спокойно. С тех пор я знаю, что двадцать секунд – это необычайно долго. Они прошли и дверь в зал закрылась.

Я пустил в ход мимику: нахмурил и потёр лоб, потрянул головой, как бы вычисляя ответ задачи, который вертится на языке, вот-вот придёт, но пока никак не выражается в явном виде. Вдруг как бы схватил решение, и уже уверенно отпартовал:

– Ну, да! Конечно же «Хованщина».

– Bravo! – всплеснул руками экзаменатор. – Никак не ожидал. Ведь это был второстепенный пассаж, да ещё при оборванном начале. Ну и ну! Теперь будем справедливыми, билеты свои вы заслужили. Уж если не вам, такому знатоку, то кому их давать. Оленеводам? Каменотёсам?

– Оленеводы и каменотёсы тоже заслуживают, – примирительно заметила Нина Дмитриевна.

– Да, но для них балет это там, где мужики девок лапают. А девки все в белых тапочках. Высоцкий прав. А мы не в тундре. – И, обращаясь уже ко мне, добавил, – Странно только, что прохладно относитесь к опере.

– Да, о вокале я судить не смею.

– А балет за сколько секунд узнаете?

Я обнаглел:

– За десять.

– Допустим. После «Хованщины» я во всё поверю. Вам нравится «Весна священная»?

– Музыка великолепная. Но Стравинский считал фокинскую хореографию вялой. Я с композитором согласен.

– Игорь Фёдорович и сам не без греха.

– Конечно. Там такие ритмические согласования, что только ноги ломать. Похоже, что Фокин слишком заботился о профилактике травматизма.

– Вот как? Не все это скажут.

И заключил:

– Можно бы ещё проверить, да ладно. Хватит «Хованщины» и «Весны». Как вас зовут?

– Петр Петрович.

– Где вы работаете?

– В МГУ.

Я начинал расслабляться и попросил позволения закурить.

– Да, конечно, курите. У нас здесь французский квартал. Не подумайте плохого. В Соединённых Штатах запрещено распивать алкоголь в общественных местах. Даже пиво. Штрафуют немилосердно. Но французский квартал Нью-Орлеана – единственное место в Америке, где это разрешено. У нас здесь с Ниной французский квартал в смысле курева.

И обратился к Нине Дмитриевне:

– Надо придумать Петру Петровичу прикрытие для брони. А то всякие там проверки, опять же шаманы с шаманшами подступят...

– Бог с вами, какие шаманы? Не слушайте его, Петр Петрович.

Тут я внёс издевательское предложение:

– Давайте назовём это бронью парткома МГУ.

Нина Дмитриевна повела чётко прочерченной бровью, улыбнулась и одобрила прикрытие:

– Да, это звучит. Я запишу у себя в заветную тетрадь и скажу Бляхману.

Ручка для записей в этой тетради была волшебной палочкой для доступа в театр, а Бляхман – всемогущим заведующим кассами Большого, которые тогда располагались рядом с входом в Детский театр.

Уже известная Нина Дмитриевна, уходя на пенсию, завещала меня Раисе Никитичне, а та – дальше, всё в том же качестве законного партийного представителя. Как мне стало ясно позднее, хорошим тоном считалось являться в четырнадцатый подъезд с букетом цветов. Но не для солисток, а для обитательниц директорского секретариата. Этой установки я твёрдо придерживался до отъезда в Испанию. Не знаю, как там без танцевальных изысков обходился обездоленный партком МГУ, но мне с тех пор отказа в билетах не было. Даже в директорскую ложу. Даже на торжественные даты Улановой и Плисецкой. Помню, как во время январского юбилея Уланова сидела в ложе бенуара под кустом цветущей сирени, который только что доставили авиарейсом из южных широт.

Продолжим, однако, о балете. В феврале 1984 года умер генсек Андропов. Не из полоумных, как его предшественник Брежнев, но и не из умных, поскольку серьёзно считал всех с ним несогласных душевнобольными. Широко известно главное времяпрепровождение Андропова в течение кратких 15 месяцев правления в показанном на снимке пошловатом интерьере.



Занимался на государственном уровне организацией дневных облав в общественных местах. В основном – в магазинах. Обоснование было бредовым: дефицит товаров создаётся не их отсутствием, а тем, оказывается, что в магазинах слишком много покупателей. Они же создают очереди, всё растаскивают, потому и пустые прилавки. Следовательно, нарушителей нужно отловить и всё моментально придёт в порядок.

Разумеется, новая инициатива нашла кипучее одобрение у большинства населения. В газеты посыпались письма с требованиями вывести злодеев на чистую воду. Откуда поступали предложения было ясно ежу с ежихой. Для облав было придумано чудовищное словосочетание – «профилактирование граждан». Оно широко проводилось также в кино-театрах и банях, на этот раз на предмет выявления тунеяд-

цев, подозрительных и политически неблагонадёжных элементов. Хотя что бы этим подозрительным элементам делать в бане? С какой бы тихой грусти ленивым тунеядцам заниматься сотрясением основ, коли они бездельники по определению? Замечательно, что именно в банно-прачечном хозяйстве приключился самый крупнокалиберный облом. Когда выявили особенно частых и подолгу парящихся посетителей, то оказалось, что это свои же, лубяньские молодцы, сборщики информации, соглядатаи на государевой службе. Всё как в прежних системах российского политического сыска под характерными названиями «Око недрёманное», «Око государево», «Слово и дело государево», «Корона, государь, бог». Поэтому пропагандистская кампания со всей её трескотнёй скукожилась и пошла насмарку. В конце концов пёс вцепился в собственный хвост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.